

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ**

на правах рукописи

ФОКИН АЛЕКСЕЙ РУСЛАНОВИЧ

**АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ
ТРИНИТАРНОЙ ДОКТРИНЫ В ЛАТИНСКОЙ ПАТРИСТИКЕ**

Специальность 09.00.03 — история философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва
2013

Работа выполнена в секторе истории западной философии Института философии Российской Академии Наук

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, доцент В. В. Петров
доктор философских наук, профессор В. Я. Саврей
доктор философских наук, профессор Ю. А. Шичалин

Ведущая организация:

кафедра философии Русской Христианской Гуманитарной Академии, Санкт-Петербург

Защита состоится «01» октября 2013 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д.002.015.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте философии РАН по адресу: 119991, Москва, ул. Волхонка, стр. 5, д. 14/1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института философии РАН по адресу: 119991, Москва, ул. Волхонка, стр. 5, д. 14/1.

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

А.В. Черняев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

1. Постановка проблемы и предмет исследования. Тринитарная доктрина, т. е. учение о троичности Бога, понимаемого как трансцендентное миру, единое, личное и творческое Первоначало, является важнейшей составной частью не только христианского вероучения, но и христианской философии. Хотя эта доктрина основана на библейском Откровении, она была и остается одной из самых сложных теоретических проблем для человеческого разума как с религиозной, так и с философской точки зрения. Впервые тринитарная проблема возникла еще в первые века новой эры, когда христианские апологеты, обратившиеся в христианство из язычества, — Аристид, Иустин Философ, Татиан, Афинагор, Феофил Антиохийский, Климент Александрийский, Тертуллиан, Ипполит и другие, — попытались осмыслить и изложить христианское учение о троичности Бога, используя при этом хорошо знакомый им логико-философский аппарат и метафизические конструкции античной философии. Как отмечает Клаудио Морескини, современный итальянский специалист в области патристической философии, «желая сформулировать тринитарный догмат, раннее христианство было вынуждено прибегать к ресурсам философии в еще большей степени, чем оно делало это, стремясь дать определение понятию “единый Бог”, так как Новый Завет предоставлял очень скупой материал для разработки тринитарной проблематики»¹. Тринитарный вопрос стал не только одной из важнейших теоретических проблем христианской теологии и философии, но и острейшей церковно-политической проблемой вскоре после христианизации Римской империи в эпоху так называемых «арианских споров» (325–381 гг.), когда отцами и учителями Церкви были сформулированы основные подходы и способы рационального познания и вербального выражения тайны Божественной Троичности, которые утвердились в последующие несколько столетий эпохи патристики (V–VIII вв.) и послужили образцом философствования о Боге–Троице для всех последующих поколений христианских мыслителей.

Действительно, в последующие столетия поисками решения тринитарной проблемы с разных точек зрения были увлечены такие европейские мыслители, как Иоанн Скот Эриугена, Абельяр, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, Бонавентура, Иоанн Дунс Скот, Майстер Экхарт, Якоб Бёме, Ф. Шлейермахер, Ф. В. Шеллинг, Г. Ф. Гегель, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Э. Жильсон, И. Конгар, Х. У. фон Бальтазар, К. Ранер, Б. Лонерган, В. Панненберг, К. Барт, Ю. Мольтманн, П. Тиллих, В. Н. Лосский, Х. Яннарас, И. Зизиулас, Р. Суинберн, А. Плантинга, У. Хаскер, Б. Лефтоу, М. Рей и другие. При этом многие из них напрямую обращались к наследию отцов и учителей христианской Церкви эпохи патристики — св. Афанасия

¹ Морескини К. История патристической философии. М., 2011. С. 231.

Александрийского, Великих Каппадокийцев, Аврелия Августина, Боэция, Псевдо-Дионисия, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и др., поскольку именно в их многочисленных трудах была разработана основная тринитарная терминология и концептуальные «тринитарные модели», опираясь на которые человеческий разум пытался осмыслить и понять библейское учение о Божественной Троичности. Более того, дискуссии по различным вопросам тринитаризма эпохи патристики, возникшие в западной науке среди историков философии и теологии, а также христианских философов и систематических теологов по меньшей мере с конца XIX в., возобновились в середине XX в. после появления программных трудов видных современных религиозных мыслителей — Карла Барта², Бернара Лонергана³ и Карла Ранера⁴. И в наше время, в последние десять – пятнадцать лет, тринитарные исследования переживают настоящее возрождение, когда один за другим за рубежом появляются все новые и новые исследования о Троице.

В российской историко-философской науке много внимания уделялось изучению трудов греческих христианских мыслителей эпохи патристики, и гораздо меньше внимания обращалось на латинских авторов. Это в полной мере касается и тринитарного вопроса. Однако в трудах западно-христианских мыслителей II–VIII вв. тринитарная проблема занимает совершенно особое место. Не отрицая религиозный характер тринитарного догмата, для постижения его содержания они в не меньшей, а зачастую и в большей степени, чем греческие отцы Церкви, опирались на предшествовавшую и современную им философскую традицию, используя различные рациональные методы и концепции, характерные для той или иной философской школы, чтобы выразить этот догмат в таких формах, которые могли бы стать приемлемыми для человеческого разума. В результате западный тринитаризм в III–VI вв. приобрел свой особый рационалистический характер, существенно отличающийся от восточного тринитарного подхода (называемого иногда «персоналистским») и оказавший определяющее влияние на осмысление данной проблематики в последующей европейской философии. Эта рационалистическая тенденция отразилась и в формулировке известной католической «доктрины *Filioque*», не принятой Православной Церковью. Как представляется, для выяснения этих и других характерных черт западной тринитарной традиции важно рассмотреть тринитарные учения тех представителей латинской патристики II–VIII вв., которые в сильной степени испытали влияние античной философской мысли. В ранний, или «доникийский» период (150–325 гг.) это были Тертуллиан, Новациан, Арнобий и Лактанций. В период расцвета латинской

² Barth K. Kirchliche Dogmatik. Band I/1. Zürich, 1932.

³ Lonergan B. De Deo Trino. Pars systematica. Roma, 1964.

⁴ Rahner K. Der dreifaltige God als transzendeter Urgrund der Heilsgeschichte // *Mysterium Salutis*. Grundriss heilsgeschichtlicher Dogmatik. Einsiedeln, 1967.

патристики (325–430 гг.) важнейший вклад в решение тринитарной проблемы внесли, с одной стороны, св. Иларий Пиктавийский, Амвросий Миланский и ряд других сторонников Никейского Собора 325 года и его учения о «единосущии», отчасти опиравшихся на раннюю западную традицию (идущую от Тертуллиана), отчасти же перенесших на Запад основные положения тринитарного учения греческих христианских мыслителей (св. Афанасия Александрийского, Маркелла Анкирского, Великих Каппадокийцев, Дидима и др.). С другой стороны, это были Марий Викторин и Аврелий Августин, сформировавшие так называемую «латинскую тринитарную парадигму», опиравшуюся, с одной стороны, на неоплатоническую метафизику и психологию, а с другой — на аристотелевскую логику. Наконец, в эпоху заката латинской патристики, или в «поставгустиновский» период (430–735 гг.), тринитарная доктрина Августина получила свое дальнейшее закрепление в трудах таких западно-христианских мыслителей, как Фульгенций, Клавдиан Мамерт, Кассиодор, Исидор Севильский и особенно Боэций, придавший ей законченную логическую форму. Таким образом, **предметом** данного диссертационного исследования является тринитарная доктрина в латинской патристике II–VIII вв. как единой традиции и влияние античной философии на процесс ее формирования⁵.

2. Степень научной разработанности проблемы. В мировой науке существует немало трудов, посвященных истории арианских споров и развитию христианской тринитарной доктрины в эпоху патристики в целом. Это общие историко-философские и историко-догматические работы, в которых наряду с другими вопросами рассматривается тринитарная доктрина отдельных латинских авторов эпохи патристики или ее определенные аспекты. Среди этих работ можно назвать такие классические труды по истории христианских догматов, как работы А. фон Гарнака, А. П. Лебедева, В. В. Болотова, А. В. Карташева, Ж. Тиксерона, Дж. Престиджа, Дж. Н. Келли и Я. Пеликана, а также более специальные работы по тринитарному вопросу и тринитарным спорам в патристике: Т. Де Реньона⁶, В. Самуилова⁷, А. А. Спасского⁸, Ж. Лебретона⁹, Г. Барди¹⁰, М. Симонетти¹¹, Г. Кретшмара¹², Ф. Бурассы¹³, К. Ранера¹⁴, К. Барта¹⁵, Э. Фортмэна¹⁶, Б. Де

⁵ Под «античной философией» в данной диссертации понимается вся греко-римская философия, начиная с собственно античного периода (VII–IV вв. до н. э.), продолжая эллинистическим (IV в до н.э. – II в н. э.) и заканчивая позднеантичным периодом (III–VI вв. н. э.).

⁶ *De Régnon Th. Études de théologie positive sur la Trinité. Vol. 1–4. Paris, 1892–1898.*

⁷ *Самуилов В. История арианства на латинском Западе (353–430). СПб., 1890.*

⁸ *Спасский А. А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов. Сергиев Посад, 1914.*

⁹ *Lebreton J. Histoire du dogme de la Trinité. T. 1. Les origines du dogme de la Trinité. T. 2. De saint Clément à saint Irénée. Paris, 1910³.*

¹⁰ *Bardy G. Trinité // DTC. T. 15. P. 1545–1855. Paris, 1947.*

¹¹ *Simonetti M. La crisi ariana nel IV secolo. (Studia Ephemeridis «Augustinianum» 11). Roma, 1975.*

¹² *Kretschmar G. Studien zur altkirchlichen Trinitätstheologie. Tübingen, 1956.*

¹³ *Bourassa F. Questions de théologie trinitaire. Roma, 1970.*

Маржери¹⁷, Дж. О’Доннела¹⁸, Р. Хэнсона¹⁹, Ю. Мольтманна²⁰, К. Гантона²¹, Дж. Бэра²², Л. Айреса²³ и некоторых других. При этом, в большинстве этих работ анализ тринитарной доктрины проводится с позиции «истории догматов» (Dogmengeschichte) или «систематической теологии» (Systematische Theologie, Systematic Theology), т.е. с теолого-догматической точки зрения, и, как правило, не уделяется должного внимания философским источникам, методам и концепциям, оказавшим влияние на развитие тринитарного учения в латинской патристике. Исключение составляют обзорные исследования таких ученых, как А. Штёкль²⁴, Ф. Пикавэ²⁵, Э. Жильсон²⁶, Г. Вольфсон²⁷, М. Спаннэ²⁸, П. Обэн²⁹ и К. Морескини³⁰, в которых авторы анализируют философские влияния и факторы, сыгравшие важную роль в формировании различных учений отцов Церкви — тринитарного, христологического, экзегетического, эпистемологического и др. Кроме того, во всех этих работах рассматривается патристическая философия в целом, без деления ее на латинскую и греческую.

Большое количество зарубежных исследований посвящено тринитарному учению отдельных представителей латинской патристики. Так, тринитарной доктрине первого латинского христианского теолога и апологета Тертуллиана посвящено немало работ, вышедших из-под пера таких ученых, как И. Штир³¹, В. Махольц³², А. Д’Алэ³³, Б. Варфилд³⁴, М. Крибель³⁵,

¹⁴ *Rahner K.* The Trinity. London, N. Y., 1970.

¹⁵ *Barth K.* Church Dogmatics. Vol. I. Part 1. The Doctrine of the Word of God. Edinburgh, 1975.

¹⁶ *Fortman E. J.* The Triune God: A Historical Study of the Doctrine of the Trinity. Philadelphia: Westminster, 1972.

¹⁷ *De Margerie B.* La Trinité chrétienne dans l’histoire. Paris, 1975.

¹⁸ *O’Donnell J. J.* The Mystery of the Triune God. London, 1988.

¹⁹ *Hanson R. P. C.* Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381. Edinburgh, 1988.

²⁰ *Moltmann J.* History and the Triune God. London, 1991.

²¹ *Gunton C. E.* The Promise of Trinitarian Theology. Edinburgh, 1991.

²² *Behr J.* The Formation of Christian Theology. Vol. 1. The Way to Nicaea. Crestwood, N.Y., 2001; *idem.* The Formation of Christian Theology. Vol. 2. The Nicene Faith. Crestwood, N.Y., 2004.

²³ *Ayres L.* Nicaea and its Legacy: An Approach to Fourth Century Trinitarian Theology. N. Y., 2004.

²⁴ *Stöckl A.* Geschichte der christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter. Mainz, 1891.

²⁵ *Picavet F. J.* Hypostases plotiniennes et Trinité chrétienne // Annuaire de l’École pratique des Hautes Études. Section des sciences religieuses. Paris, 1917. P. 1–52.

²⁶ *Gilson E., Böhner Ph.* Die Geschichte der christlichen Philosophie: von ihren Anfängen bis Nikolaus von Cues. Paderborn, 1936; *Gilson E.* History of Christian Philosophy in the Middle Ages. N. Y., 1955.

²⁷ *Wolfson H. A.* The Philosophy of the Church Fathers. Vol. 1. Faith, Trinity, Incarnation. Cambridge, 1956.

²⁸ *Spanneut M.* Le stoïcisme des Pères de l’Église. Paris, 1957.

²⁹ *Aubin P.* Plotin et le christianisme. Triade plotinienne et Trinité chrétienne. Paris, 1992.

³⁰ *Moreschini C.* Storia della filosofia patristica. Brescia, 2004 (рус. пер. Морескини К. История патристической философии. М., 2011).

³¹ *Stier J.* Die Gottes- und Logoslehre Tertullians. Göttingen, 1899.

³² *Macholz W.* Spuren binitarischer Denkweise im Abendland seit Tertullian. Halle, 1902.

³³ *D’Alès A.* La théologie de Tertullien. Paris, 1905.

Э. Эванс³⁶, Р. Канталамесса³⁷, Р. Браун³⁸, Ж. Муэн³⁹, Э. Осборн⁴⁰ и ряд других. Тринитарной доктрине Новациана, во многом сходной с учением Тертуллиана, посвящено гораздо меньше исследований: это работы А. Д'Алэ⁴¹, М. Крибеля⁴², Р. Де Саймона⁴³, Дж. Данна⁴⁴ и Дж. Папандреа⁴⁵. Тринитарного учения Лактанция касаются в своих исследованиях Э. Оверлах⁴⁶, И. Зигерт⁴⁷ и В. Лои⁴⁸. Ряд авторов, таких как Р. Пишон⁴⁹, Л. Томас⁵⁰, А. Влосок⁵¹, К. Морескини⁵², рассматривают отношение Лактанция к философии в целом, а также различные философские и гностические тенденции, присутствующие в его творениях. Сходные вопросы отношения к античной философской традиции и философствующему гностицизму поднимаются в ряде работ, посвященных сочинению Арнобия Старшего «Против язычников». Среди них следует указать работы П. Курселя⁵³, Г. МакДональда⁵⁴, Э. Фортэна⁵⁵, А. Вичьяно⁵⁶ и М. Симмонса⁵⁷.

³⁴ Warfield B. B. Tertullian and the Beginnings of the Doctrine of the Trinity // The Princeton Theological Review 3 (1905). P. 529–557; 4 (1906). P. 1–36, 145–167.

³⁵ Kriebel M. Studien zur älteren Entwicklung der abendländischen Trinitätslehre bei Tertullian und Novatian. Diss. Marburg, 1932. S. 21–54, 80–85.

³⁶ Evans E. Introduction // *Idem*. Q. S. Fl. Tertullians, Treatise against Praxeas. London, 1948. P. 1–88.

³⁷ Cantalamessa R. La Christologia di Tertulliano. Friburgo, 1962.

³⁸ Braun R. Deus Christianorum. Recherches sur le vocabulaire doctrinal de Tertullien. Paris, 1962; 1977².

³⁹ Moingt J. Théologie trinitaire de Tertullien. T. 1–3. Paris, 1966–1969.

⁴⁰ Osborn E. Tertullian, first theologian of the West. Cambridge, 1997.

⁴¹ D'Alès A. Novatien. Étude sur la théologie romaine au milieu du IIIe siècle. Paris, 1924.

⁴² Kriebel M. Studien zur älteren Entwicklung der abendländischen Trinitätslehre bei Tertullian und Novatian. Diss. Marburg, 1932.

⁴³ De Simone R. J. The Treatise of Novatian the Roman Presbyter on the Trinity: a Study of the Text and the Doctrine. Rome, 1970.

⁴⁴ Dunn G. D. The diversity and unity of God in Novatian's "De Trinitate" // Ephemerides theologicae Lovanienses 78 (2002). P. 385–409.

⁴⁵ Papandrea J.L. The Trinitarian Theology of Novatian of Rome. A Study in Third-Century Orthodoxy. Lewiston, Queenston, Lampeter, 2008.

⁴⁶ Overlach E. Die Theologie des Lactantius. Schwerin, 1858.

⁴⁷ Siegert J. Die Theologie des Lactantius in ihrem Verhältnis zur Stoa. Diss. Bonn, 1919.

⁴⁸ Loi V Lattanzio nella storia del linguaggio e del pensiero teologico pre-niceno. Roma, 1970.

⁴⁹ Pichon R. Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieuse sous le règne de Constantine. Paris, 1901.

⁵⁰ Thomas L. Die Sapientia als Schlüsselbegriff zu den Divinae Institutiones des Laktanz. Freiburg, 1959.

⁵¹ Wlosok A. Laktanz und die philosophische Gnosis. Heidelberg, 1960.

⁵² Moreschini C. Storia dell'Ermetismo cristiano. Brescia, 2000. P. 62–79.

⁵³ Courcelle P. Les sages de Porphyre et les "viri novi" d' Arnobe // Revue des études latines, 31 (1953). P. 257–271.

⁵⁴ McDonald H. D. The Doctrine of God in Arnobius "Adversus Gentes" // Studia Patristica, 9 (1966). P. 75–81.

⁵⁵ Fortin E. L. The *viri novi* of Arnobius and the conflict between faith and reason in the early Christian centuries // The Heritage of the Early Church / Ed. D. Neiman, M. Schatin. Rome, 1973. P. 201–222.

⁵⁶ Viciano A. Retórica, filosofía y gramática en el Adversus nationes de Arnobio de Sicca. N. Y., 1993.

Из работ, посвященных тринитарному учению св. Илария Пиктавийского, одного из самых ярких западных теологов середины IV века, принимавшего активное участие в арианских спорах, следует упомянуть труды А. Бека⁵⁸, П. Смульдерса⁵⁹, А. Веррастро⁶⁰, А. Якобса⁶¹, Ж. Муэна⁶², К. Борхардта⁶³, Л. Ладария⁶⁴, Э. Мейеринг⁶⁵, М. Уидмана⁶⁶ и К. Бекуита⁶⁷. Однако в большинстве этих исследований не уделяется внимание философской составляющей учения Илария. Исключение представляет собой упомянутый труд А. Бека⁶⁸, а также статья А. Саффрея⁶⁹, в которой специально рассматривается вопрос культурного образования Илария и его отношения к античной философии.

Тринитарная доктрина христианского платоника Мариа Викторина рассматривается в работах таких исследователей, как Г. Гайгер⁷⁰, Р. Шмид⁷¹, Э. Бэнц⁷², П. Анри⁷³, Д. Розато⁷⁴, П. Адо⁷⁵, М. Кларк⁷⁶, А. Цигенаус⁷⁷, Л. Абрамовски⁷⁸, М. Тардьё⁷⁹, К. О. Томмази⁸⁰. Влияние неоплатониз-

⁵⁷ *Simmons M. B.* Arnobius of Sicca: Religious Conflict and Competition in the Age of Diocletian. Oxford, N. Y., 1995.

⁵⁸ *Beck A.* Die Trinitätslehre des Heiligen Hilarius von Poitiers. Mainz, 1903.

⁵⁹ *Smulders P.* La doctrina trinitaria de S. Hilaire de Poitiers. Analecta Gregoriana, 32. Roma, 1944.

⁶⁰ *Verrastro A.* Il fondamento ultimo della perfetta consustanzialità del Figlio al Padre nel «De Trinitate» di S. Ilario di Poitiers. Potenza, 1948.

⁶¹ *Jacobs A. D.* Hilary of Poitiers and the Homoeousians: A Study of the Eastern Roots of his Ecumenical Trinitarianism. Emory University, 1968.

⁶² *Moingt J.* La théologie trinitaire de S. Hilaire // Hilaire et son temps. Paris, 1969. P. 159–173.

⁶³ *Borchardt C. F. A.* Hilary of Poitiers' Role in the Arian Struggle. Gravenhage, 1966.

⁶⁴ *Ladaria L. F.* El Espíritu Sancto en San Hilario di Poitiers. Madrid, 1977; *idem.* Dios Padre en Hilario di Poitiers // Estudios Trinitarios 24 (1990). P. 443–479.

⁶⁵ *Meijering E. R.* Hilary of Poitiers on the Trinity. De Trinitate 1. 1–19; 2, 3. Leyde, 1982.

⁶⁶ *Weedman M.* The Trinitarian Theology of Hilary of Poitiers. Leiden, Boston, 2007.

⁶⁷ *Beckwith C.* Hilary of Poitiers on the Trinity. From De Fide to De Trinitate. Oxford, N. Y., 2008.

⁶⁸ *Beck.* 1903.

⁶⁹ *Saffrey H. S.* Saint Hilaire et la philosophiae // Hilaire et son temps. Paris, 1969. P. 247–265.

⁷⁰ *Geiger G.* Marius Victorinus Afer, ein neuplatonischer Philosoph. Landsduth, 1887–1889.

⁷¹ *Schmid R.* Marius Victorinus Rhetor und seine Beziehungen zu Augustin. Keil, 1895.

⁷² *Benz E.* Marius Victorinus und die Entwicklung des abendländischen Willenmetaphysik. Stuttgart, 1932.

⁷³ *Henry P.* Plotin et l'Occident: Firmicus Maternus, Marius Victorinus, Saint Augustine and Macrobe. Louvain, 1934. P. 49–54; *idem.* The «Adversus Arium» of Marius Victorinus: the first systematic exposition of the doctrine of the Trinity // Journal of Theological Studies. New Series, 1 (1950). P. 42–55.

⁷⁴ *Rosato D.* Le dottrina trinitaria di Mario Vittorino africano. Naples, 1942.

⁷⁵ *Hadot P.* Porphyre et Victorinus. Vol. I–II. Paris, 1968; *idem.* Marius Victorinus. Recherches sur sa vie et ses oeuvres. Paris, 1971.

⁷⁶ *Clark M. T.* The earliest philosophy of the living God. Marius Victorinus // Proceedings of the American Catholic Philosophical Association, 16 (1967). P. 87–94; *eadem.* The Neoplatonism of Marius Victorinus // Studia patristica, 11. Berlin, 1972. S. 13–19; *eadem.* A neoplatonic commentary on the Christian Trinity: Marius Victorinus // Neoplatonism and Christian thought. Albany, 1982. P. 24–33.

⁷⁷ *Ziegenaus A.* Die trinitarische Ausprägung der göttlichen Seinsfülle nach Marius Victorinus. München, 1972.

ма и особенно неоплатонической теории «умопостигаемой триады» на тринитарную доктрину Мариа Викторина рассматривается в публикациях Д. Бэлла⁸¹, М. Колиша⁸², П. Манчестера⁸³, Р. Мейджерсик⁸⁴ и М. Балтеса⁸⁵. Исследованию тринитарной доктрины св. Амвросия Миланского посвящены работы таких ученых, как Л. Херман⁸⁶, К. Маркшис⁸⁷, Ф. Чабу⁸⁸, М. Мелэн⁸⁹ и Д. Уильямс⁹⁰, а Л. Таормина⁹¹, П. Курсель⁹² и Г. Мадек⁹³ рассматривают отношение Амвросия к античной философии в целом.

Наибольшее число зарубежных исследований посвящено тринитарной доктрине Аврелия Августина. Начиная с конца XIX века и в течение всего последующего столетия среди исследователей сформировалось несколько основных направлений изучения тринитаризма Августина и оценки его роли в истории европейской философской и теологической мысли. Эти направления можно назвать *историко-философским, теолого-догматическим, историко-догматическим и аналитико-философским*. Характерной чертой первого направления является убеждение в том, что определяющим фактором, оказавшим влияние на формирование тринитар-

⁷⁸ Abramowski L. Marius Victorinus, Porphyrius und die romischen Gnostiker // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche, 74 (1983). S. 108–128.

⁷⁹ Tardieu M. Recherches sur la formation de l'apocalypse de Zostrien et les sources de Marius Victorinus // Res Orientales XI. Bures-sur-Yvette, 1996. P. 7–114.

⁸⁰ Tommasi C. O. Tripotens in unalitate spiritus: Mario Vittorino e la gnosi // Koinonia 20 (1996). P. 53–75; eadem. L'androginia divina e suoi presupposti filosofici: il mediatore celeste // Studi classic e orientali XLVI.3. Pisa, Roma, 1998. P. 974–998.

⁸¹ Bell D. The Tripartite Soul and the Image of God in the Latin Tradition // Recherches de théologie ancienne et médiévale 47 (1980). P. 16–52; idem. Esse, Vivere, Intellegere: The Noetic Triad and the Image of God // Recherches de théologie ancienne et médiévale 52 (1985). P. 5–43.

⁸² Colish M. L. The Neoplatonic tradition: the contribution of Marius Victorinus // Neoplatonic tradition. Cologne, 1991. P. 57–74.

⁸³ Manchester P. The noetic triad in Plotinus, Marius Victorinus, and Augustine // Neoplatonism and Gnosticism. Albany, 1992. P. 207–222.

⁸⁴ Majercik R. The Existence–Life–Intellect Triad in Gnosticism and Neoplatonism // Classical Quarterly 42 (1992). P. 475–488; eadem. Porphyry and Gnosticism // Classical Quarterly 55 (2005). P. 277–292.

⁸⁵ Baltés M. Marius Victorinus: zur Philosophie in seinen theologischen Schriften. München, 2002.

⁸⁶ Herrmann L. Ambrosius von Mailand als Trinitätstheologe. Dargestellt in Konfrontation mit der illyrischen Theologie und im Blick auf das neu auftauchende christologische Problem. Diss. Heidelberg, 1954.

⁸⁷ Marksches Chr. Ambrosius von Mailand und die Trinitätstheologie. Kirchen- und theologiegeschichtliche Studien zu Antiarrianismus und Neunizänismus bei Ambrosius und im lateinischen Westen (364–381). Tübingen, 1995; idem. Ambrogio teologo trinitario // La Scuola Cattolica 125 (1997). P. 741–762.

⁸⁸ Szabó F. Le Christ Créateur chez saint Ambroise. Roma, 1968.

⁸⁹ Meslin M. Les ariens d'Occident 335–430. Paris, 1967. P. 44–94; 106–148.

⁹⁰ Williams D. H. Ambrose of Milan and the End of the Nicene-Arian Conflicts. Oxford, 1995.

⁹¹ Taormina L. Sant' Ambrogio e Plotino // Miscellanea di studi di letteratura cristiana antica 4 (1953). P. 41–85.

⁹² Courcelle P. Plotin et Saint Amboise // Revue de philologie 24 (1950). P. 29–56; idem. Nouveaux aspects du platonisme chez Saint Amboise // REL 34 (1956). P. 220–239.

⁹³ Madec G. Saint Ambroise et la philosophie. Paris, 1974.

ной доктрины Августина, был неоплатонизм, в сравнении с которым все остальные библейские и патристические источники отходят на второй план. Этот подход характерен для работ таких исследователей, как Г. Лёше⁹⁴, Л. Гранжорж⁹⁵, Ш. Буйе⁹⁶, Л. Легран⁹⁷, А. Дал⁹⁸. Особенно следует отметить обстоятельную монографию А. Шиндлера⁹⁹, в которой автор рассматривает раннюю и зрелую формы тринитарной доктрины Августина, делая особый акцент на учении о «внутреннем слове» и «психологической теории» Троицы. По мнению автора, тринитарная доктрина Августина с самого начала складывалась под влиянием идей неоплатонизма (Плотина и Порфирия). Самым авторитетным исследованием в области изучения процесса формирования тринитарной доктрины Августина по сей день остается фундаментальный труд французского ученого О. Дю Руа¹⁰⁰, в котором подробно рассматривается эволюция этой доктрины в ранний период творчества Августина (386–391 гг.), а затем проводится его сравнение с развитой «психологической теорией» Троицы в сочинениях 397–416 гг. По мнению автора, тринитарная доктрина Августина в целом может быть сведена к учению о разного рода триадах, т.е. к «триадологии». Он различает три формы тринитарной доктрины Августина: «философскую анагогию», «тринитарную онтологию» и «психологическую теорию» Троицы; последняя основана на представлении о триадической структуре человеческого сознания, или «тринитарном *cogito*». Как убежден Дю Руа, использование Августином «психологических аналогий» и метода авторефлексии естественным образом побуждало его склоняться к монистическому представлению о Боге как единой сущности, которая раскрывается как Троица во внутренних отношениях самопознания и любви к себе. Это было закономерным результатом приложения неоплатонизма к размышлению над христианской верой в Троицу. По мнению автора, именно Августин с его концепцией Божественного «Я», постигаемого по образу человеческого «я», впервые установил тесную связь между человеческой субъективностью и «тринитарной диалектикой», впоследствии характерную для немецкой классической философии. В отличие от О. Дю Руа, который делает основной упор на влиянии философии Плотина на тринитарную доктрину Августина, другие исследователи — В. Тайлер¹⁰¹, П. Адо¹⁰², Н. Чиприани¹⁰³, Ж.

⁹⁴ Loesche G. De Augustino plotinizante in doctrina de Deo disserenda. Jenae, 1880.

⁹⁵ Grandgeorge L. Saint Augustin et le Néo-platonisme. Paris, 1896.

⁹⁶ Boyer Ch. Christianisme et néo-platonisme dans la formation de saint Augustin. Paris, 1920; *Idem*. L'idée de vérité dans la philosophie de saint Augustin. Paris, 1939..

⁹⁷ Legrand L. La notion philosophique de la Trinité chez saint Augustin. Paris, 1931.

⁹⁸ Dahl A. Augustin und Plotin. Philosophische Untersuchungen zum Trinitätsproblem und zur Nuslehre. Lund, 1945.

⁹⁹ Schindler A. Wort und Analogie in Augustins Trinitätslehre. Hermeneutische Untersuchungen zur Theologie. Tübingen, 1965.

¹⁰⁰ Du Roy O. L'intelligence de la foi en la Trinité selon saint Augustin. Genèse de sa théologie trinitaire jusqu'en 391. Paris, 1966.

¹⁰¹ Theiler W. Porphyrios und Augustin. Halle, 1933.

Пепэн¹⁰⁴ и др. — обратили внимание на важную роль Порфирия и Мария Викторина в формировании взглядов Августина по данному вопросу.

Другое, *теолого-догматическое* направление в изучении тринитарной доктрины Августина рассматривает ее в русле попыток решить тринитарный вопрос чисто теологическими средствами, предполагающими кардинальное отличие западной и восточной тринитарных схем и превосходство первой над последней. Первым, кто рассмотрел тринитарное учение Августина с новой теолого-догматической точки зрения, был французский теолог Теодор Де Реньон, который в своем четырехтомном историко-догматическом исследовании христианской тринитарной теологии¹⁰⁵ показывал, что «схоластическая тринитарная парадигма», в которой элемент единства преобладает над множеством и которую он противопоставил «патристической парадигме», свойственной преимущественно греческим отцам Церкви, уходит своими корнями в учение Августина. Эта «парадигма Де Реньона», впоследствии ставшая классической, оказала определяющее влияние на понимание тринитарной доктрины Августина, как минимум, в последующие 100 лет.

Из других представителей теолого-догматического направления следует упомянуть Э. Порталье¹⁰⁶, И. Шевалье¹⁰⁷, Дж. Машиа¹⁰⁸ и А. Пессака¹⁰⁹. Начиная с исследования Пессака, появляется целый ряд работ французских неотомистов, которые в целом разделяли тезис Де Реньона о существовании кардинального различия между греческой и латинской тринитарными парадигмами, но переосмыслили «парадигму Де Реньона» таким образом, что греческое тринитарное богословие, основанное, по их мнению, на концепте «единосущия», стало связываться с пониманием Бога как сущности, а латинское, основанное на августиновской «психологической аналогии», — с пониманием Его как личности. Такой точки зрения, помимо А. Пессака, придерживались французские ученые А. Малэ, Ф. Бурасса, Г. Лафон, М. Ле Гийу и Б. Де Маржери. Известнейший философ-неотомист Этьен Жильсон в своих трудах также касался различных аспектов тринитарной

¹⁰² Hadot P. Citations de Porphyre dans Augustin // Revue des Études Augustiniennes 6 (1960). P. 205–244; *idem*. L'image de la Trinité dans l'âme chez Victorinus et chez saint Augustin // Studia Patristica, 6 (1962). P. 437.

¹⁰³ Cipriani N. Le fonti cristiane della dottrina trinitaria nei primi Dialogi di S. Agostino // Augustinianum 34 (1994). P. 253–312; *idem*. La presenza di Mario Vittorino nella riflessione trinitaria di S. Agostino // Augustinianum 42 (2002). P. 261–313.

¹⁰⁴ Pepin J. Études sur les lectures philosophiques de saint Augustin. Amsterdam, 1977; *idem*. Le tout et les parties dans la connaissance de la *mens* par elle-même (De Trin. X 3, 5–4, 6). Nouveaux schèmes porphyriens chez saint Augustin // Gott und sein Bild. Augustins "De Trinitate" im Spiegel gegenwärtiger Forschung / Hrsg. J. Brachtendorf. Paderborn, 2000. S. 105–126.

¹⁰⁵ De Régnon Th. Études de théologie positive sur la Trinité. Vol. 1–4. Paris, 1892–1898.

¹⁰⁶ Portalie E. Saint Augustin // Dictionnaire de théologie catholique. T. I. Paris, 1913. P. 2268–2472.

¹⁰⁷ Chevalier I. Saint Augustin et le pensée grecque. Les relations trinitaires. Fribourg, 1940.

¹⁰⁸ Mascia G. La teoria della relazione nel «De Trinitate» di S. Agostino. Napoli, 1955.

¹⁰⁹ Paissac H. Théologie de Verbe, saint Augustin et saint Thomas. Paris, 1951.

доктрины Августина, в частности, вопроса о «следах и образах Троицы»¹¹⁰, а Ф. Бурасса¹¹¹ возводит к Августину такие отличительные черты «западной тринитарной парадигмы», как концепция «апроприации» (appropriation) и представление о Святом Духе как «общении» (communion) и «личной любви» (amour personnel) между Отцом и Сыном. Далее, необходимо упомянуть фундаментальное исследование Дж. Салливэна¹¹², главной целью которого является систематическое представление учения Августина об образе Божественной Троицы в человеке и влияние этого учения на последующую западную средневековую традицию, а также книгу Э. Тезелле «Августин – теолог»¹¹³. Ряд исследований особенностей тринитарной доктрины Августина в его трактате «О Троице» принадлежат Б. Штудеру¹¹⁴ и Ф. Дреколлу¹¹⁵; последний в специальном разделе нового объемного справочника «Augustin Handbuch»¹¹⁶, изданного под его редакцией в 2007 г., обобщил результаты длительного изучения тринитаризма Августина.

Начиная с 1990-х возникло новое и принципиально иное историко-догматическое направление в мировом августиноведении, представленное целой группой современных англо-американских и австралийских исследователей, объединенных общей идеей неприятия «парадигмы Де Реньона». В трудах Р. Уильямса, М. Барнеса, Л. Айреса, Н. Ормерода, Р. Кросса, М. Хэнби, С. Кокли и М. Древера делается попытка, во-первых, освободить тринитарное учение Августина от «пут философии», поместив его в историко-догматический контекст тринитарных споров IV века, и, во-вторых, показать близость этого учения к тринитаризму так называемых «про-никейцев» (“Pro-Nicenes”) — ортодоксальных защитников первого Вселенского Собора 325 года в Никее и провозглашенного на нем учения о единосущии. Основные взгляды этой группы ученых изложены в статьях М. Барнеса¹¹⁷ и монографии Л. Айреса «Августин и Троица»¹¹⁸, в которой автор предпринимает попытку доказать, что тринитарное учение Августина нельзя свести к адаптации неоплатонического учения о трех ипостасях,

¹¹⁰ Gilson E. Introduction à l'étude de saint Augustin. Paris, 1949.

¹¹¹ Bourassa F. Appropriation ou «propriété» // Sciences ecclésiastiques 7 (1955). P. 57–85; *idem*. Theologie trinitaire chez Saint Augustin // Gregorianum 58 (1977). P. 675–716.

¹¹² Sullivan J. E. The Image of God: The Doctrine of St. Augustine and its Influence. Dubuque, 1963.

¹¹³ TeSelle E. Augustine the Theologian. London, 1970.

¹¹⁴ Studer B. La teologia trinitaria in Agostino d'Ipbona: continuità della tradizione occidentale? // Cristianesimo e specificità regionali nel mediterraneo Latino (sec. IV–VI) (Studia Ephemeridis «Augustinianum» 46). Rome, 1994. P. 161–177; *idem*. Augustins “De Trinitate”: eine Einführung. Paderborn, 2005.

¹¹⁵ Drecoll V. H. Mens–notitia–amor. Gnadenlehre und Trinitätslehre in “De Trinitate” IX und in “De peccatorum meritis” / “De spiritu et littera” // Gott und sein Bild. Augustins “De Trinitate” im Spiegel gegenwärtiger Forschung / Hrsg. J. Brachtendorf. Paderborn, 2000. S. 137–154.

¹¹⁶ Augustin Handbuch / Hrsg. V. H. Drecoll. Tübingen, 2007.

¹¹⁷ Barnes M. R. Augustine in Contemporary Trinitarian Theology // Theological Studies 56 (1995). P. 237–250; *idem*. De Régnon Reconsidered // Augustinian Studies 26, 2 (1995). P. 51–79.

¹¹⁸ Ayres L. Augustine and the Trinity. Cambridge, N.Y., 2010.

поскольку на это учение повлияли сразу несколько факторов: античная риторико-философская традиция (платонизм, перипатетизм, стоицизм), христианский платонизм (в лице Мария Викторина и Амвросия), латинская антиарианская («про-никейская») теология (в лице Илария, Фебадия, Дамаса и других), тесно связанная с экзегезой определенных библейских текстов и с христологией. Автор показывает, что Августин придавал большое значение библейскому тексту как основе доктринальной аргументации при изложении тринитарной доктрины, а также рассматривает историко-философский и историко-теологический контекст, обеспечивавший постепенный рост теоретического осмысления Августином христианской веры в Троицу. В конце своего исследования автор приходит к выводу, что тринитарная доктрина Августина, полностью соответствующая принципам «про-никейского» тринитаризма, претерпела длительную эволюцию и в своих зрелых формах представляет собой глубокий анализ внутренней жизни трех Божественных Лиц, образуемой посредством Их внутрибожественных актов; в своем учении Августин сумел органично соединить различные библейские и философские данные. Близкий подход к изучению тринитарной доктрины Августина развивается в работах Л. Джойя¹¹⁹ и Ч. Гербера¹²⁰, авторы которых убеждены в том, что для правильного понимания этой доктрины необходимо установить тесные связи между ней и другими разделами теологии: христологией, сотериологией, пневматологией, учением об откровении и образе Божиим, а также рассматривать ее в контексте тринитарных споров IV–V вв.

В последние годы появился целый ряд работ, посвященных анализу особенностей структуры, содержания, методов и аргументации в трактате Августина «О Троице», представляющем собой основное сочинение по тринитарной проблематике во всей латинской патристике. Помимо упомянутых выше исследований Л. Айреса, Р. Уильямса и И. Брахтендорфа в этой связи можно назвать также работы Э. Бэллэ, Э. Хилла, Р. Круза, А.-М. Ванье, Дж. Кавадини, А. Уильямса, М. Кларк, М. Барнеса, Дж. Риста, Г. Веннинга и Ф. Гезера. Итоги изучения трактата «О Троице» в XIX–XX столетиях, да и всего тринитаризма Августина в целом подведены в сборнике «Бог и Его образ: трактат Августина “О Троице” в зеркале современных исследований»¹²¹, а также в фундаментальном труде Р. Кани «Тринитарная мысль Августина: итоги, критика и перспективы современных исследований трактата “De Trinitate”»¹²². В последнем труде автор останавливается на философских аспектах трактата «О Троице», выделяя такие

¹¹⁹ Gioia L. *Theological Epistemology of Augustine's "De Trinitate"*. Oxford, N. Y., 2008.

¹²⁰ Gerber Ch. T. *The Spirit of Augustine's Early Theology. Contextualizing Augustine's Pneumatology*. Aldershot, 2012.

¹²¹ Gott und sein Bild. Augustins "De Trinitate" im Spiegel gegenwärtiger Forschung / Hrsg. J. Brachtendorf. Paderborn, 2000.

¹²² Kany R. *Augustins Trinitätsdenken. Bilanz, Kritik und Weiterführung der modernen Forschung zu "De Trinitate"*. Tübingen, 2007.

концептуальные подходы, как герменевтика, философия языка, теория познания, тринитарная онтология и логика, субъективизм и релятивизм, августиновское *cogito* и др., а также анализирует влияние тринитарного учения Августина на последующую философскую и теологическую традицию: позднюю античность, латинскую патристику, западную схоластику, реформацию, новоевропейскую философию, греко-византийскую и русскую мысль; наконец, дает общую оценку августиновского тринитаризма в классических трудах по «истории догматов» и в современном западном тринитаризме.

Последнее, *аналитико-философское* направление в августиноведении представлено как континентальными, так и англо-американскими учеными. Среди представителей этого направления следует упомянуть работы Т. Гангауфа¹²³, М. Шмауса¹²⁴, И. Мадера¹²⁵, Ф. Кэри¹²⁶, Э. Бермона¹²⁷ и И. Брахтендорфа¹²⁸, посвященных так наз. «метафизической психологии» Августина, тесно связанной с его тринитарной доктриной. Помимо этих работ, представляющих собой «континентальное» направление в августиноведении, существует ряд работ англо-американских ученых, среди которых следует упомянуть М. Рея¹²⁹, М. Мюррея¹³⁰, Дж. Брауера¹³¹, Б. Лэфтоу¹³², Р. Суинберна¹³³, П. ван Инвагена¹³⁴ и некоторых других, которые рассматривают тринитарную доктрину Августина с точки зрения ее логико-философской составляющей в качестве одного из возможных оснований построения современного философского теизма.

Гораздо меньше исследований посвящено тринитарной доктрине латинских авторов «поставгустиновского» периода (430–735 гг.): св. Льва

¹²³ *Gangauf Th.* Die metaphysische Psychologie des hl. Augustinus. Augsburg, 1852.

¹²⁴ *Schmaus M.* Die psychologische Trinitätslehre des hl. Augustinus. Münsterische Beiträge zur Theologie, 11. Münster, 1927.

¹²⁵ *Mader J.* Die logische Struktur des personalen Denkens: Aus der Methode der Gotteserkenntnis bei Aurelius Augustinus. Wien, 1965.

¹²⁶ *Cary Ph.* Augustine's Invention of the Inner Self. The Legacy of a Christian Platonist. Oxford, 2000.

¹²⁷ *Bermon E.* Le cogito dans la pensée de saint Augustin. Paris, 2001.

¹²⁸ *Brachtendorf J.* '...prius esse cogitare quam credere': A Natural Understanding of 'Trinity' in St. Augustine? // *Augustinian Studies* 29 (1998). P. 35–46.

¹²⁹ *Rea M.* Relative Identity and the Doctrine of the Trinity // *Philosophia Christi* 5 (2003). P. 431–446; *Peй M. K.* Троица // Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Т.П. Флинт, М. К. Рея. М., 2013. С. 594–631.

¹³⁰ *Мюррей М., Рея М.* Введение в философию религии. М., 2011. С. 96–108.

¹³¹ *Brower J., Rea M.* Material Constitution and the Trinity // *Faith and Philosophy* 22 (2005). P. 487–505; *idem.* Understanding the Trinity // *Logos* 8 (2005). P. 145–157.

¹³² *Leftow B.* A Latin Trinity // *Faith and Philosophy* 21 (2004). P. 304–333; *idem.* Modes without Modalism // *Persons: Human and Divine* / Eds. P. van Inwagen and D. Zimmerman. Oxford, 2007. P. 357–375.

¹³³ *Swinburne R.* The Christian God. Oxford, 1994.

¹³⁴ *van Inwagen P.* «And Yet They Are Not Three Gods But One God» // *Philosophy and the Christian Faith* / Ed. Th. Morris. Notre Dame, 1988. P. 241–278; *Idem.* A Theory of Properties // *Oxford Studies in Metaphysics* 1 (2004). P. 107–138.

Великого (статьи Б. Штудера¹³⁵, И. Лоретти¹³⁶ и П. Штокмайера¹³⁷), Фавста Регийского (статья М. Симонетти¹³⁸), Кесария Арльского (работы П. Лезжэ¹³⁹, М. Доренкемпера¹⁴⁰ и Ж. Морэна¹⁴¹), Фульгенция Руспийского (труды М. Шмауса¹⁴² и Б. Нистерса¹⁴³). Немало литературы посвящено важному вероучительному документу кон. V – нач. VI вв. — так называемому «Афанасиевскому Символу», или «Символу *Quicumque*». Тринитарному учению Боэция посвящены работы Ф. Нитцша¹⁴⁴, В. Шурра¹⁴⁵, Э. Рапизарда¹⁴⁶ и Л. Обертелло¹⁴⁷. В ряде работ зарубежных исследователей рассматриваются вопросы подлинности, характера и содержания так называемых *Opuscula sacra* Боэция: это исследования Э. Ранда¹⁴⁸, Г. Чедвика¹⁴⁹, Ф. Тронкарелли¹⁵⁰, Б. Дейли¹⁵¹, Д. Холла¹⁵², М. Ламбера¹⁵³. Помимо них необходимо упомянуть статью Д. Брэдшоу¹⁵⁴, в которой автор показывает зависимость тринитарной доктрины Боэция от аристотелевской логики и уче-

¹³⁵ Studer B. Il concetto di “consostanziale” in Leo Magno // Augustinianum 13 (1973). P. 599–607.

¹³⁶ Loreti I. La pneumatologia di S. Leo Magno // Spirito Santo e catechesi patristica. Convegno di studio, Pontificale Institutum Altioris Latinitatis (Fac. Lettere cristiane e classiche), Roma, 6–7 marzo 1982 / Ed. S. Felici. Roma, 1983. P. 133–153.

¹³⁷ Stockmeier P. Dreifaltigkeit und Erlösung bei Leon dem Großen // Im Gespräch mit dem dreieinigem Gott / Hrsg. M. Böhnke. Düsseldorf, 1985. S. 197–208.

¹³⁸ Simonetti M. Fausto di Riez e I Macedoniani // Augustinianum 17 (1977). P. 333–354.

¹³⁹ Lejay P. Le rôle théologique de saint Césaire d’Arles // Revue d’histoire et de littérature religieuse 10 (1905). P. 135–188; *Idem*. Césaire d’Arles // Dictionnaire de théologie catholique. Paris, 1932. T. 2, 2168–2185.

¹⁴⁰ Dorenkemper M. The Trinitarian doctrine and sources of St. Caesarius of Arles. Fribourg, 1953.

¹⁴¹ Morin G. Le traité de saint Césaire d’Arles “De mysterio sanctae Trinitatis” // RB, 46 (1934). P. 190–205; *idem*. Le “Breviarium fidei” contre les Ariens produit de l’atelier de Césaire d’Arles? // Revue d’histoire ecclésiastique, 35 (1939). P. 35–53.

¹⁴² Schmaus M. Die Trinitätslehre des Fulgentius von Ruspe // Charisteria A. Rzach zum Achtzigsten Geburtstag dargebracht. Reichenberg, 1930. S. 166–175.

¹⁴³ Nisters B. Die Christologie des hl. Fulgentius von Ruspe. Münster, 1929.

¹⁴⁴ Nitzsch F. Das System des Boethius und die ihm zugeschriebenen theologischen Schriften. Berlin, 1860.

¹⁴⁵ Schurr V. Die Trinitätslehre des Boethius im Lichte der ‘Skythischen Kontroversen’. Paderborn, 1935.

¹⁴⁶ Rapisarda E. La crisi spirituale di Boezio. L’influenza di Agostino. Catania, 1947.

¹⁴⁷ Obertello L. Severino Boezio. Vol. I–II. Genova, 1974.

¹⁴⁸ Rand E. K. Der dem Boethius zugeschriebene Traktat De fide catholica // Jahrbücher für klassische Philologie. Leipzig, 1901. Bd. 26. S. 401–461.

¹⁴⁹ Chadwick H. The Authenticity of Boethius’s Fourth Tractate “De Fide Catholica” // Journal of Theological Studies 31 (1980). P. 551–556.

¹⁵⁰ Troncarelli F. Problème du “De fide catholica”, du “De Summa fidei”: la liste des mss. du IX-e au XII-e siècles contenant des traités théologiques de Boèce. Planche 1 // Scriptorium 42 (1988). P. 3–19.

¹⁵¹ Daley B. Boethius’s Theological Tracts and Early Byzantine Scholasticism // Mediaeval Studies 46 (1984). P. 158–191.

¹⁵² Hall D. C. Boethius: The Theological Tractates // *Idem*. The Trinity. An Analysis of St. Thomas Aquinas’ “Expositio of the De Trinitate” of Boethius. Leiden, 1992. P. 16–37.

¹⁵³ Lambert M. Nouveaux éléments pour une étude de l’authenticité boécienne des Opuscula Sacra // Boèce ou la chaîne des saviors / Éd. A. Galonnier. Paris–Louvain, 2003.

¹⁵⁴ Bradshaw D. The Opuscula sacra: Boethius and theology // The Cambridge Companion to Boethius / Ed. J. Marenbon. Cambridge, 2009. P. 105–128.

ния Августина, и обстоятельную работу немецкого ученого К. Брудера¹⁵⁵, посвященную анализу философских элементов в *Opuscula sacra*. В статье известного французского католического философа Мориса Гюстава Недонселля¹⁵⁶, посвященной учению Боэция о личности в разных контекстах, проводится сравнительный анализ терминов *persona* и *substantia* в тринитарном учении Боэция, которое автор рассматривает как важный этап на пути от Августина к западной схоластике. Следует также указать на работу И. Кремер-Рюгенберга¹⁵⁷, посвященную концепции «субстанции» в *Opuscula sacra*. Теме соотношения языческой философии и христианской теологии в трактате Боэция «Утешение философией» посвящены работы В. Шмидта-Коля¹⁵⁸, Г. Пэтча¹⁵⁹, П. Курселя¹⁶⁰. Э. Хоффмана¹⁶¹ и К. Де Фогеля¹⁶². По одной главе в своих монографиях о Боэции отводят его тринитарной доктрине Г. Чедвик¹⁶³ и Дж. Маренбон¹⁶⁴, где они сопоставляют учение Боэция с учением неоплатоников, Мария Викторина и «скифских монахов» и рассматривают его логический метод, применяемый для решения теологических проблем. Насколько известно, не существует специальных исследований, посвященных тринитарной доктрине других латинских авторов V–VIII вв. — Кводвультдея, Клавдиана Мамерта, Арнобия Младшего, Геннадия Марсельского, Кассиодора, Григория Великого, Исидора Севильского и Беда Достопочтенного. Есть лишь ряд работ таких исследователей, как Я. ван ден Бесселаар, Ф. Бёмер, А. Момильяно, М. Ди Марко, Дж. О’Доннел, Ж. Фонтэн, в которых показывается положительное отношение «латинских энциклопедистов» к античной образованности, философии и науке.

Если обратиться к отечественным исследованиям латинского тринитаризма, то следует констатировать огромное отставание российской историко-философской науки в этой области. В самом деле, по сравнению с изобилием зарубежных исследований тринитарное учение западных христианских мыслителей эпохи патристики в отечественной научной литера-

¹⁵⁵ Bruder K. Die philosophischen Elemente in den Opuscula sacra des Boethius. Leipzig, 1928.

¹⁵⁶ Nédoncelle M. Les variations de Boèce sur la personne // RSR 29 (1955). P. 201–238.

¹⁵⁷ Craemer-Ruegenberg I. Die Substanzmetaphysik des Boethius in den Opuscula sacra. Diss. Köln, 1969.

¹⁵⁸ Schmidt-Kohl V Die neuplatonische Seelenlehre in der “Consolatio philosophiae” des Boethius. Meisenheim am Glan, 1965.

¹⁵⁹ Patch H. R. Fate in Boethius and the Neoplatonists // Speculum 4 (1929). P. 62–72; *idem*. Necessity in Boethius and the Neoplatonists // Speculum 10 (1935). P. 393–404.

¹⁶⁰ Courcelle P. La “Consolation de la philosophie” dans la tradition littéraire. Antécédents et postérité de Boèce. Paris, 1967.

¹⁶¹ Hoffman E. Griechische Philosophie und Christliche Dogma bei Boethius // Boethius / Hrsg. M. Fuhrmann, J. Gruber. Darmstadt, 1984. S. 278–285.

¹⁶² De Vogel C. J. The Problem of Philosophy and Christian Faith in Boethius’ “Consolatio” // *Ibid.* S. 286–301.

¹⁶³ Chadwick H. Boethius: The Consolation of Music, Logic, Theology and Philosophy. Oxford, 1981. P. 211–222.

¹⁶⁴ Marenbon J. Boethius. Oxford, 2003. P. 66–95.

туре рассматривалось лишь фрагментарно в составе общих работ и немногочисленных специальных статьях, посвященных отдельным авторам: Тертуллиану (труды А. А. Спасского, К. Попова, Н. В. Штернова, Н. И. Сагарды, Киприана Керна, А. Р. Фокина, Ю. В. Максимова), Арнобию (труды Н. М. Дроздова и А. Р. Фокина), Лактанцию (труды А. И. Садова и А. Р. Фокина), Иларию Пиктавийскому (труды А. П. Орлова, И. В. Попова, Г. Г. Майорова и А. Р. Фокина), Марию Викторину (труды А. Ф. Лосева, Г. Г. Майорова и А. Р. Фокина), Амвросию Миланскому (труды И. И. Адамова и А. Р. Фокина), Августину (труды Н. П. Остроумова, П. Верещатского, архим. Плакиды Дезея, А. Ф. Лосева, Г. Зяблицева, А. Р. Фокина и В. В. Ноздрин), Иерониму Стридонскому (монография А. Р. Фокина), Фульгенцию Руспейскому (статья А. Р. Фокина), Боэцию (труды Г. Г. Майорова и А. Р. Фокина), Исидору Севильскому (статья А. Р. Фокина) и некоторым другим латинским авторам. При этом роль античной философии в формировании латинской тринитарной доктрины в той или иной степени исследовалась в работах следующих отечественных авторов: П. Верещатского¹⁶⁵, который сравнивает учение Плотина о трех ипостасях и тринитарное учение Августина; А. А. Спасского, автора фундаментального труда по истории возникновения и развития тринитарного вопроса в христианской теологии I–IV вв.¹⁶⁶, большую часть которого занимает исследование арианских споров на востоке империи (из латинских теологов Спасский рассматривает только учение Тертуллиана, которому посвящает несколько страниц своего исследования). Небольшая статья Г. Зяблицева¹⁶⁷ посвящена влиянию античной философии на теологию Августина, однако тринитарному вопросу в ней отводится всего пару страниц. В монументальном труде А. Ф. Лосева «История античной эстетики»¹⁶⁸ и в книге Г. Г. Майорова о латинской патристике¹⁶⁹ по несколько страниц отводится тринитарному учению Илария Пиктавийского, Марии Викторина и Августина, а также их отношению к античной философии в целом. Однако обе эти работы носят слишком общий и обзорный характер и не могут рассматриваться в качестве оригинальных исследований в области латинского тринитаризма. Более узкому вопросу посвящена кандидатская диссертация В. В. Ноздрин¹⁷⁰, в которой дается близкий к тексту пересказ и рациональ-

¹⁶⁵ *Верещатский П.* Плотин и Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Православный собеседник, 7–8 (1911). С. 171–197; 9 (1911). С. 305–328.

¹⁶⁶ *Спасский А. А.* История догматических движений в эпоху Вселенских соборов. Сергиев Посад, 1914.

¹⁶⁷ *Зяблицев Г., диак.* Богословие блаженного Августина и античная философия // Церковь и время. 1991. № 1. С. 65–76.

¹⁶⁸ *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Кн. 1.

¹⁶⁹ *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979; о тринитарном учении Боэция см. также *Майоров Г. Г.* Формирование Судьба и дело Боэция // *Боэций.* «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 381–383.

¹⁷⁰ *Ноздрин В. В.* Философско-теологические истоки тринитарной концепции Аврелия Августина. Дисс. Спб., 2009.

ный анализ основных идей трактата Августина «О Троице» без какой-либо опоры на оригинальные источники и зарубежную литературу. Единственным отечественным исследователем, написавшим целый ряд специальных статей и разделов в монографиях, посвященных формированию латинского тринитаризма как целостного явления и изучению его философских истоков, является автор настоящей диссертации, список соответствующих публикаций которого помещен в конце автореферата.

Подводя итоги, можно констатировать, что при наличии множества работ, посвященных влиянию античной философии на формирование тринитарной доктрины отдельных представителей латинской патристики, до сих пор не только в отечественной, но и в мировой науке не существует детального и всеобъемлющего исследования по данному вопросу, в котором изучались бы философские истоки, методы и концепции, оказавшие непосредственное влияние на решение тринитарной проблемы в латинской патристике как единой традиции. Появление такого исследования имеет немалую актуальность, поскольку тринитарное учение западных христианских мыслителей эпохи патристики, прежде всего, Тертуллиана, Мариа Викторина, Августина и Боэция, оказало огромное влияние не только на западную средневековую мысль, но и на развитие всей европейской философии в целом. Вместе с тем такое исследование должно базироваться на тех результатах, которые были достигнуты в рассмотренных выше научных трудах, преимущественно посвященных тринитарной доктрине отдельных представителей латинской патристики. Действительно, учеными было твердо установлено, что, начиная с Тертуллиана и вплоть до Боэция, многие латинские теологи при построении своего тринитарного учения пользовались различными рационально-философскими методами и концепциями, заимствованными ими из тех или иных философских традиций. При этом в современной науке лучше всего изучены философские аспекты тринитарной доктрины Августина, за ним по степени изученности следует учение Мариа Викторина, Боэция и, наконец, Тертуллиана. Однако остается еще немало вопросов, связанных не только с теми или иными философскими источниками и характерными особенностями тринитарных учений отдельных латинских христианских авторов, но и с проблемой взаимосвязи и взаимовлияния как между античной философской традицией и христианской теологией, так и внутри самой христианской патристической традиции, а также вопрос о ее рецепции и влиянии на последующее развитие европейской философии и теологии.

3. Цели и задачи исследования. Целью данного диссертационного исследования является изучение влияния античной философии, ее логики, онтологии, эпистемологии и психологии на формирование тринитарной доктрины в латинской патристике II–VIII вв. как едином целом. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

1) установить предпосылки возникновения тринитарной проблематики в библейской, иудео-эллинистической и раннехристианской религиозно-философской мысли;

2) рассмотреть в хронологическом порядке и провести концептуальный анализ тринитарных доктрин основных латинских христианских мыслителей эпохи патристики (II–VIII вв.);

3) выявить в этих тринитарных доктринах те философские элементы, включая логику, онтологию, эпистемологию и психологию, которые оказали определяющее влияние на формирование этих доктрин, а также установить те философские школы и направления в античной философии, из которых эти философские элементы были заимствованы латинскими христианскими мыслителями в своих целях;

4) изучить вопрос о взаимосвязях и преемственности развития тринитарных доктрин основных представителей латинской патристики, а также о влиянии на них со стороны греческой патристики;

5) выяснить характерные особенности западно-христианского (латинского) тринитаризма в сравнении как с античной философской традицией, так и с восточно-христианской (греческой) тринитарной теологией.

4. Актуальность и новизна исследования определяются тем, что до сих пор ни в мировой, ни в отечественной науке не существует общего исследования, посвященного влиянию античной философии на формирование тринитарной доктрины в латинской патристике как единой традиции. В настоящей диссертации на основании результатов полуторавековой работы иностранных и отечественных ученых в сфере изучения тринитарной проблемы в латинской патристике II–VIII вв. проводится оригинальная авторская реконструкция процесса формирования латинского тринитаризма, выделяются его характерные особенности и убедительно демонстрируется влияние античной философской мысли на этот процесс. Впервые в рассмотрение включаются религиозно-философские взгляды таких латинских авторов, как Квдовультдей, Клавдиан Мамерт, Арнобий Младший, Фавст Регийский, Кассиодор, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный и некоторых других, тринитарным доктринам которых в мировой науке еще не уделялось внимания. Появление такого комплексного исследования имеет не только научную новизну ввиду отсутствия упомянутого синтеза в зарубежной науке и крайне недостаточного внимания к западной патристической мысли со стороны отечественных ученых, но и большую научную актуальность, поскольку тринитарное учение латинских христианских мыслителей эпохи патристики оказало огромное влияние не только на западную средневековую мысль, но и на развитие всей европейской философии и теологии в целом, а западная «доктрина *Filioque*», имеющая рационалистический характер и не принятая на христианском Востоке, стала одним из доктринальных факторов, приведших к расколу между Католической и Православной Церквями в XI веке. В целом, как показано в диссертации,

тринитарные доктрины латинских христианских мыслителей, таких как Тертуллиан, Лактанций, Марий Викторин, Августин, Клавдиан Мамерт, Боэций, Кассиодор, в не меньшей, а гораздо большей степени, чем учения современных им греческих отцов Церкви, испытали на себе влияние античной философской мысли, что обусловило появление таких характерных черт западной философской традиции, как рационализм, автономия разума, субъективизм и психологизм, для глубокого понимания которых необходимо изучение истоков западного тринитаризма. Более того, эта задача остается актуальной и по сей день, поскольку многие современные мыслители продолжают обращаться к патристическому наследию при построении своих собственных философских и теологических теорий.

5. Источники и методы исследования. В качестве основных источников в диссертации используются сочинения главных представителей латинской патристики: Тертуллиана (*Adversus Praxean, Adversus Hermogenem, Apologeticum* и др.), Новациана (*De Trinitate*), Арнобия Старшего (*Adversus nationes*), Лактанция (*Divinae institutiones*), Фебадия (*Contra Arianos*), Потамя (*Epistola de substantia*), Зинона Веронского (проповеди), Григория Эльвирского (*De fide orthodoxa*), Дамаса Римского (*Explanatio fidei* и др.), Илария Пиктавийского (*De Trinitate, De synodis* и др.), Мария Викторина (*Adversus Arium, De generatione Divini Verbi, Hymni de Trinitate* и др.), Амвросия Миланского (*De fide, De Spiritu Sancto, De incarnatione, De sacramentis* и др.), Иеронима Стридонского (библейские комментарии, послания), Аврелия Августина (*Confessiones, De Trinitate, De civitate Dei, Soliloquia, De ordine, De vera religione, De doctrina christiana, De fide et symbolo* и др.), Кводвультдея (*Sermones de symbolo* и др.), Фульгенция (*De Trinitate, Contra Arianos, De fide* и др.), Викентия Леринского (*Commonitorium*), Фавста Регийского (*De Spiritu Sancto*), Геннадия Марсельского (*De ecclesiasticis dogmatibus*), Льва Великого (проповеди, послания), Арнобия Младшего (*Conflictus de Deo trino et uno*), Клавдиана Мамерта (*De statu animae*), Кесария Арльского (*De mysterio sanctae Trinitatis, Breviarium fidei* и др.), Боэция (*De Trinitate, De praedicatione trium personarum, De fide catholica* и др.), Кассиодора (*Institutiones, De anima, Expositio in Psalterium*), Григория Великого (*Moralia, Homiliae in Euangelia* и др.), Исидора Севильского (*Ethymologiae, Differentiae, Sententiae* и др.), Беды Достопочтенного (*Hexaemeron* и другие библейские комментарии) и некоторых других авторов. При этом, ввиду отсутствия русских переводов многих, если не большинства их сочинений, а также ввиду необходимости уточнять смысл той или иной фразы или значение того или иного философского термина, автор обращается непосредственно к оригинальным латинским текстам этих сочинений. С этим связано использование в настоящем исследовании классических историко-филологических методов герменевтики древних текстов. При исследовании тринитарных доктрин различных латинских авторов применяются методы концептуального анализа и систематической ре-

конструкции, а также приводятся наглядные таблицы и схемы. Для установления источников тех или иных философских понятий, методов и концепций, встречающихся в латинской патристике, автор опирается на методы, принятые в историко-философской компаративистике, такие как сравнительный философский анализ и метод нахождения наиболее релевантных контекстов. В связи с этим автор обращается к сочинениям различных античных философов: Платона, Аристотеля, ранних стоиков (Зенона, Клеанфа, Хрисиппа и др.), римских стоиков (Цицерона, Сенеки, Марка Аврелия и др.), средних платоников (Нумения, Апулея, Алкиноя и др.), неоплатоников (Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Прокла, Дамаския, Олимпиодора и др.), а также к сочинениям Филона Александрийского, раннехристианских апологетов II–III вв., философствующих гностиков и греческих отцов Церкви IV–VIII вв., таких как св. Афанасий Александрийский, Маркелл Анкирский, Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский, Псевдо-Дионисий, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин и некоторых других. В тех случаях, когда эти сочинения отсутствуют в русском переводе, или когда требуется уточнение смысла той или иной фразы или термина, автор также обращается к оригинальным греческим и латинским текстам. Более подробный список источников приводится в Библиографии в конце диссертационного исследования.

6. Основные результаты исследования и тезисы, выносимые на защиту:

- Тринитарная доктрина в латинской патристике сформировалась под влиянием нескольких факторов: библейского вероучения, иудейской и раннехристианской религиозно-философской мысли, а также античной, эллинистической и позднеантичной философии.
- Выделены следующие этапы формирования латинского тринитаризма в эпоху патристики (II–VIII вв.): ранний период (150–325 гг.; ключевая фигура: Тертуллиан); период расцвета латинской патристики (325–430 гг., ключевые фигуры: Иларий Пиктавийский и Амвросий Миланский — с одной стороны, и Марий Викторин и Аврелий Августин — с другой); «поставгустиновский» период (430–735 гг., ключевые фигуры: Фульгенций, Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский).
- Роль философской составляющей в латинском тринитаризме, начиная с Тертуллиана и оканчивая Боэцием и Кассиодором, очень существенна. Она сводится не только к заимствованию философской терминологии, но и к привлечению логических методов, терминов и понятий, а также метафизических концепций для решения тринитарной проблемы.
- Основными философскими направлениями, оказавшими непосредственное влияние на развитие латинского тринитаризма, были: стои-

цизм (на ранних стадиях), платонизм, включая средний платонизм и неоплатонизм, и аристотелизм (на поздних стадиях).

- Главные философские термины и понятия, использованные для решения тринитарной проблемы в латинской патристике, таковы: «бытие» (*esse*), «сущность» (*substantia, essentia*), «лицо» (*persona*), «предмет» (*res*), «форма» (*forma, species*), «особое свойство» (*propri-um, proprietas*), «потенция» (*potentia*), «акт» (*actus, actio*), «покой» (*status*), «движение» (*motus, motio, progressus*), «явление» (*manifestatio*), «отношение» (*relativum, relatio, ad aliquid*), «распределение» (*oeconomia, dispostio, distributio*), «монархия» (*monarchia, una potestas*), «единосущие» (*unius substantiae, consubstantialis, coessentialis*) и др.
- Основные использованные для этой же цели религиозно-философские учения и концепции таковы: стоическое учение о «пневме» и мировом Логосе, а также теория «двойственной речи»; политико-юридическая концепция «монархии»; среднеплатонический «генотеизм» и учение об иерархии мировых начал (божеств); неоплатоническое учение о трех «ипостасях» и теория «умопостигаемой триады» («бытие – жизнь – мышление») и трехступенчатой эманации («пребывание – исхождение – возвращение»); принципы «импликации и превалирования», характеризующие соотношение идей в «умопостигаемом космосе»; различные философские представления о внутренней структуре души и самопознании; аристотелевское учение о категориях и типах тождества и различия.
- Основные направления латинского тринитаризма: «Божественная монархия» и «теория Логоса»; «генотеизм»; учение о «единосутии», «персонализм», основанный на понятии «лица» (*persona*) как «ипостаси» (*subsistentia*) и на «социальной аналогии»; «эссенциализм», основанный на понятии сущности (*essentia, substantia*) и на «психологической теории» Троицы.
- Западная тринитарная доктрина в целом отличается своим рационалистическим характером. Главные методы философской рефлексии, использованные для ее построения — это категориальный анализ, индукция, силлогизм, интроспекция, различные формы аналогии (физическая, антропологическая, психологическая, социальная и др.).
- Латинский «персонализм», обусловленный влиянием со стороны греческой христианской теологии и аристотелевской философии и представленный тринитарными доктринами Илария Пиктавийского и Амвросия Миланского, был постепенно вытеснен латинским «эссенциализмом» как оригинальным конструктом западно-христианских мыслителей IV–VI вв., обусловленным рецепцией неоплатонической философии и аристотелевской логики.

- В основе латинского «эссенциализма», или «латинской тринитарной парадигмы», сформулированной в трудах Мариа Викторина, Августина и Боэция, лежат следующие составляющие: (1) учение об абсолютном единстве и простоте Бога как единой, простой, неделимой и неизменной субстанции, в которой растворяется все множество атрибутов и иных различий, кроме различия Лиц; (2) учение о «релятивной предикации» Лиц, или о Их различии согласно категории отношения (*relativum, ad aliquid*), которая не нарушает внутреннего единства и простоты Божественной субстанции и означает разные способы отношения единого Бога к Себе Самому; (3) учение об «аппropriации» (*appropriatio*), т. е. особом способе приписывания общих Божественных атрибутов отдельным Лицам; (4) представление о Св. Духе как принципе субстанциального единства, связи и любви в Троице и тесно связанное с ним учение о Его «двойном исхождении», впоследствии известное под названием «учения о *Filioque*»; (5) «тринитарная онтология» и «психологическая теория» Троицы (в том числе учение о «внутренней речи», *verbum interius, interna locutio*).
- Западное учение о *Filioque*, являющееся органической составляющей «латинской тринитарной парадигмы» и ставшее одним из главных предметов длительных догматических споров между Католической и Православной Церквями, имеет преимущественно философские основания, содержащиеся в тринитарных доктринах Илария Пиктавийского, Амвросия Миланского, Мариа Викторина и особенно Августина.
- «Латинская тринитарная парадигма» оказала определяющее влияние на дальнейшее развитие тринитаризма в западной средневековой и новоевропейской философии и теологии. Ее существенные отличия от восточно-христианского тринитаризма были обнаружены только в конце XIX – XX веке.

7. Апробация и научно-практическая значимость исследования.

Диссертация прошла апробацию на заседании секторов истории западной философии и философии религии Института философии РАН, на теоретических семинарах Института философии РАН: «Философия и богословие Античности и Средних веков» и «Философия религии — Теология — Религиоведение», а также на различных международных конференциях. В частности, по теме диссертации сделан доклад: «Рациональные методы обоснования Божественной Троичности в западной и восточной патристике» на Международной конференции «Философская теология и христианская традиция» (Москва, МГУ, 1–3 июня 2010 г.) и доклад: «Noetic Triad in Neoplatonism and Patristics» на XVI Международной конференции патристических исследований (Оксфордский Университет, 8–13 августа 2011 г.).

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для углубления изучения истории позднеантичной, раннехристианской и средневековой философии, патристики и европейской интеллектуальной истории, а также при подготовке вузовских курсов по таким дисциплинам, как история философии, патрология, культурология, теология и философия религии.

8. Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав (разбитых на параграфы, содержащие подразделы), заключения, списка сокращений и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** тематизируется предмет исследования, рассматривается история изучения вопроса в зарубежной и отечественной научной литературе, ставятся цели и задачи исследования, обосновываются его актуальность и новизна, указываются основные источники работы и описываются принятые в ней подходы и методологические принципы, формулируются результаты исследования и тезисы, выносимые на защиту, отмечается научно-практическая значимость работы и приводится ее структура.

ГЛАВА I. Предпосылки возникновения тринитарной доктрины в библейской, иудео-эллинистической и раннехристианской религиозно-философской мысли

В § 1. **Библейское учение о Боге (Ветхий Завет)** на материале первой части Библии, Ветхого Завета, рассматривается проблема соотношения библейского монотеизма с религиозным представлением древних иудеев о Божией Премудрости (חָכְמָה), творческом Слове (דְבַר יְהוָה) и «Духе Божиим» (רוּחַ יְהוָה) как особых действующих агентах, в которых возможно видеть зачатки христианской тринитарной доктрины.

В § 2. **Учение о Божественной Премудрости и Логосе в эллинистическом иудаизме III в. до н. э. – I в. н. э.** исследуется дальнейшее развитие этого библейского учения в указанный период.

В § 2.1. **Александрийская иудейская религиозная философия** рассматривается учение о Божественной Премудрости (σοφία) и Силе (θεϊα δύναμις) как творческих агентах и посредниках в Септуагинте (LXX) и в сочинениях иудейских философов II в. до н. э. — Аристовула и Псевдо-Аристия.

§ 2.2. **Филон Александрийский и его учение о Боге** посвящен анализу учения о едином Боге у Филона Александрийского (ок. 30 до н. э. – 45 н. э.). Характеризуются катафатические и апофатические атрибуты единого Бога, которые логически выводятся из понятия о Нем как «чистом Бытии» (ψιλὴ ὑπαρξις, τὸ εἶναι) и «истинно Сущем» (τὸ ὄντως ὄν), в результате чего понятие Бога у Филона обретает абсолютную полноту признаков. Выдвигается тезис о том, что Филон впервые в истории философии сформулировал новое понятие о трансцендентном личном Божестве и философскими методами обосновал идею абсолютного монотеизма.

В § 2.3. **Учение Филона о Логосе** проводится концептуальный анализ учения Филона о Логосе как «первообразной Идеи идей» (ἀρχέτυπος ἰδέα τῶν ἰδεῶν), идеальном «Образце» мира (τὸ παράδειγμα), творческой Силе (δύναμις) и Орудии (ὄργανον), которым трансцендентный Бог пользу-

ется при творении и управлении миром. Выясняется, что Логос выполняет в мире посредническую, творческую, структурирующую, объединяющую, упорядочивающую функции. Указывается двойственность положения Логоса в системе Филона: с одной стороны, он есть Разум Бога и вместилище Божественных идей, с другой — это имманентная миру творящая и правящая сила. Данную антиномию Филон пытается разрешить с помощью теории «двойственного логоса», или «двойственной речи», истоки которой находятся в античной философской мысли (у Платона, Аристотеля и особенно стоиков). Филон онтологизирует эту теорию, приспособив ее к нуждам своей космологии: подобно тому, как логос человека двойственен («слово внутреннее» и «слово произнесенное»), Логос Бога также проявляется в двойственном виде: *идеально* как внутренний Разум или творческая Идея Бога о мире (λόγος ἐνδιάθετος) и *реально* как внешне-объективное откровение внутреннего Разума — «Разум природы» (ὁ τῆς φύσεως λόγος) и Логос чувственных вещей (λόγος προφορικός). Приводится наглядная схема учения Филона о «двойственном логосе» и подводятся итоги исследования учения о Боге и посредствующих силах в эллинистическом иудаизме.

В § 3. **Учение о Троице в Новом Завете** кратко рассматриваются тексты Нового Завета, указывающие на существование Бога Отца, Сына-Логоса и Святого Духа, что можно рассматривать как первичную формулировку христианской тринитарной доктрины.

§ 4. **Тринитарное учение «мужей апостольских» и греческих апологетов** посвящен анализу дальнейшего развития этого новозаветного учения, взятого в контексте ветхозаветных религиозных представлений и иудео-эллинистической религиозной философии, в раннехристианской теологии I–II в. н. э.

В § 4.1. **«Мужья апостольские»** рассматривается тринитарная доктрина первых христианских писателей — так наз. «мужей апостольских» (кон. I — нач. II в.): Псевдо-Варнавы, Климента Римского, Игнатия Антиохийского и Ерма, которые сочетали с ветхозаветным учением о едином Боге, Отце и Творце всего сущего, составлявшем основное положение их веры, новозаветное свидетельство о том, что единый Бог явил Себя людям в Иисусе Христе и посланном Им Святом Духе. Разбираются различные «тринитарные формулы», встречающиеся у «мужей апостольских».

§ 4.2. **Греческие апологеты** посвящен анализу развития тринитарной доктрины у греческих апологетов II века — Аристида, Иустина Философа, Татиана, Афинагора, Феофила Антиохийского, Климента Александрийского и др., происходивших из языческой среды и получивших классическое греко-римское образование. Апологеты были первыми христианскими мыслителями, предпринявшими попытку рационального объяснения тринитарного догмата. Большинство из них использовало для этого филонов-

ское учение о Логосе. Их новация заключается в выведении дальнейших следствий из идеи Логоса для того, чтобы обосновать двойственное положение Сына Божия: с одной стороны, Его предвечное внутреннее единство с Отцом, а с другой — Его внешнее явление в пространственно-временном мире, — антиномия, разрешавшаяся ими с помощью стоической теории «двойственного слова» (Иустин, Татиан, Афинагор, Феофил). Для апологетов Логос — это Разум Божий, первородный Сын Божий, и одновременно инструмент творения и управления миром. В этом они предвосхитили последующую «антропологическую модель» Божественной Троицы (сам термин τριάς, «Троица», был введен апологетом Феофилом). Формулируется тезис о том, что тринитарное учение греческих апологетов самым непосредственным образом повлияло на развитие раннего латинского тринитаризма.

§ 4.3. **Иринея Лионский** посвящен анализу тринитарного учения христианского теолога и полемиста II века — Иринея, епископа Лионского, который ввел в тринитарную теологию понятие Божественной «икономи» (οἰκονομία, oeconomia, «план спасения»). Рассматриваются различные функции Логоса и Духа в творении и спасении и формулируется тезис о том, что у Иринея впервые встречается наиболее полное выражение учения о Троичности Бога в раннехристианской литературе I–II вв.

ГЛАВА II. Возникновение тринитарной доктрины в доникейский период латинской патристики (150–325 гг.)

§ 1. **Тринитарная доктрина Тертуллиана** посвящен реконструкции и анализу тринитарной доктрины первого представителя латинской патристики, обратившегося к тринитарному вопросу — латинского теолога и апологета Тертуллиана (ок. 150–220 гг.).

В § 1.1. **Введение** кратко освещается творческая биография Тертуллиана и его труды, посвященные тринитарному вопросу, прежде всего, трактат *Adversus Praxean*, направленный против «монархианского» учения Праксея. Формулируется тезис о том, что тринитарное учение Тертуллиана удобно рассмотреть с двух сторон — *генетической* и *онтологической*: первая посвящена вопросу о происхождении Лиц Троицы и Их особых свойствах, а вторая — обоснованию соотношения в Боге единой сущности и трех Лиц.

В § 1.2. **Генетическая сторона: происхождение Лиц Троицы и Их особые свойства**, прежде всего, указывается на значимость понятия οἰκονομία (лат. *divina dispositio, dispensatio, distributio*), которое в тринитарном учении Тертуллиана означает особую внутреннюю «организацию» Божественного бытия, внутреннее «распределение» единой Божественной сущности по трем Лицам, исключаящее ее дробление и разделение

(divisio, separatio). Согласно Тертуллиану, одним из фундаментальных атрибутов единого Бога является Его разумность (rationalis, ratio, mens). Это дает ему ключ к обоснованию тринитарной доктрины с помощью *учения о Логосе* — Разуме (ratio) и Слове (sermo) Бога, которое он заимствовал у стоиков. Для объяснения того, как Логос может быть одновременно внутренним Разумом Бога и Его творческой Силой, Тертуллиан использует теорию «двойственного слова», которая у него сформулирована гораздо более ясно, чем у Филона и греческих апологетов. Следуя методу «антропологической» или «психологической аналогии», Тертуллиан учит, что, подобно тому, как в человеке есть мыслящий разум (ratio), содержание которого получает сначала внутреннее выражение в мыслях (cogitatus, sensus), а затем внешнее — в речи, или слове (sermo), так же и в Боге есть двойственный Логос. Используемые Тертуллианом при этом термины *ratio* («разум», «смысл») и *sermo* («слово», «речь») — это два латинских эквивалента одного греческого термина λόγος. С их помощью Тертуллиан характеризует две стадии, которые Логос проходит в Своем бытии: на *первой стадии* Он вечно пребывает *внутри* Отца в качестве Божественного Разума, или Премудрости (ratio, sophia), заключавшей в себе полноту Божественных идей — прообразов вещей. *Вторая стадия* в бытии Логоса наступает в момент творения мира, когда Бог произносит Его как Слово, посылая от Себя в мир, чтобы произвести в качестве самостоятельных сущностей то, что Он замыслил в Себе с помощью Премудрости и Разума. При этом, если на первой стадии Логос не обладал *самостоятельным личным существованием* во всей полноте, то на второй стадии Он получает существование в качестве Сына и отдельного Лица (persona secunda). Рассматривается предложенная некоторыми учеными (И. Штир, А. Д'Алэ, А. Орбэ, Р. Канталамесса) усложненная теория «трех последовательных фаз» происхождения Логоса у Тертуллиана и показывается ее несостоятельность в свете критики Р. Брауна и Ж. Муэна, а также несостоятельность «однофазовой теории» Э. Эванса и Ж. Муэна. Обсуждается вопрос о месте и роли Св. Духа в тринитарном учении Тертуллиана, вклад которого заключается в том, что он открыто причисляет Дух к Троице, называя Его ее *третьим Лицом* (persona tertia) и впервые ясно учит о Божественности Духа, называя Его Богом (Deus), поскольку Дух, так же как и Логос, исходит «от Бога» (ex Deo). Однако способ происхождения Духа от Отца остается у Тертуллиана не до конца неосмысленным и терминологически неопределенным. Вместе с тем, Тертуллиан нашел способ объяснить отношение Духа не только к Отцу, который является Его источником, но и к Сыну. А именно, Сын рассматривается Тертуллианом в причинном отношении как *посредник* в исхождении Св. Духа от Отца, поскольку Дух исходит «от Отца через Сына» (a Patre per Filium). Отмечается, что в тринитарном учении Тертуллиана термин «Дух» (Spiritus) означает не только третье Лицо Троицы, но и саму *сущность* Бога (substantia), общую для всех Лиц Троицы. С

этим связана присутствующая у Тертуллиана тенденция к *бинитаризму* («учение о двоице»: Отце и Сыне–Духе), свойственная целому ряду ранних греческих и латинских церковных писателей, которая, тем не менее, не затемняет его общей тринитарной концепции Бога.

§ 1.3. **Онтологическая сторона: соотношение в Боге единой сущности и трех Лиц** посвящен вопросу о том, как Тертуллиан философски обосновывает, с одной стороны, единство Бога, с другой — Его троичность. Для этого он, во-первых, использует специальную логико-философскую терминологию (или *категориальный подход*), и, во-вторых, развивает политико-юридическое учение о *Божественной монархии*.

§ 1.3.1. **Категориальный подход.** Тертуллиан проводит различие между *двумя рядами терминов*, или *категорий*:

единство	различие
substantia («сущность»)	forma («форма»)
status («положение»)	gradus («порядок»)
potestas («могущество»)	species («вид»)

Категории *первого* ряда (substantia, status, potestas) в целом выражают момент Божественного *единства* (unitas, unum) и означают реальную неизменную основу Божественного бытия, взятую в полноте своих сущностных свойств и сил. *Сущность* (substantia) в приложении к Богу у Тертуллиана означает *неизменную основу, материальный субстрат*, конституирующий Божественное бытие, который Тертуллиан вслед за стоиками (учение о творческой огненной первооснове мира — *пневме*) и евангелистом Иоанном (Ин 4:24) называет *Духом* (spiritus) — «своего рода телом в своем образе». Как было установлено Р. Брауном, в значении первоосновы и материального субстрата термин *substantia* у Тертуллиана приближается к *первой* стоической категории — ὑποκειμενον («подлежащее»). Рассматриваются гипотеза А. А. Спасского о второй стоической категории (τὸ κοινῶς ποῖον ὑποκειμενον) и гипотеза А. фон Гарнака о юридическом происхождении тринитарной терминологии Тертуллиана, а также гипотеза Э. Эванса об использовании Тертуллианом аристотелевской категории «первой сущности», и доказываются их несостоятельность. Анализируется категория *status* в тринитарном учении Тертуллиана, которая означает *совокупность сущностных свойств или атрибутов*, характерных только для Божественного бытия. Этот термин может быть сопоставлен со второй стоической категорией: τὸ ποῖον («качество»). Наконец, термин *potestas* означает силу или мощь, присущую какой-либо сущности, либо ее власть и авторитет. В приложении к Богу все эти термины или категории означают следующее: Бог является особой *сущностью* (substantia), составляющей неизменную и непроявленную основу Его реального бытия; в соответствии

со Своей сущностью Он обладает и Своим особым *статусом* (status), т.е. совокупностью сущностных свойств, а также присущим Ему *могуществом и властью* (potestas). Все эти три категории безразлично сказываются о каждом из Лиц Троицы и объединяются в понятии единого Бога.

Категории *второго* ряда (forma, gradus, species) выражают момент Божественного различия (distinctio) и маркируют определенное внутреннее *распределение* (dispositio, dispensatio) единой и неделимой Божественной сущности, обуславливающее существование в Боге трех Лиц. Рассматривается и признается вероятной, но до конца недоказуемой гипотеза А. А. Спасского, согласно которой эти понятия соответствуют стоической категории τὸ ἰδίως ποίον («особое свойство», proprietas). Разбирается гипотеза Э. Осборна о том, что различия между Лицами Троицы у Тертуллиана основываются на четвертой стоической категории — «состояние в отношении» (relative disposition), и признается ее несостоятельность. Доказывается, что термин *gradus* («степень», «порядок», «позиция») означает у Тертуллиана внутренний порядок передачи или распределения Божественной сущности, определенную иерархичность Божественного бытия, что термин *species* («образ», «вид», «проявление») означает проявленный вовне образ или частный способ существования единой Божественной сущности, а термин *forma* («форма», «вид», «аспект») указывает на принцип ее индивидуации в какой-то конкретной форме, благодаря которой сущность становится явной и определенной. Эта сетка категорий иллюстрируется Тертуллианом с помощью примеров, взятых из физического мира (корень — побег — плод, источник — река — поток, или солнце — луч — сияние). Так, в трех взаимосвязанных формах проявляется одна и та же Божественная сущность (una substantia in tribus cohaerentibus), так что Лица Троицы *единосущны* друг другу (unius substantiae), будучи связаны *единством сущности* (per substantiae unitatem). Рассматриваются другие термины, указывающие на различие Лиц Троицы: *res* («предмет», «конкретное существо»), *substantia propria* («частная сущность») и *persona* («лицо»). Особую важность имеет последний термин, значение которого разные исследователи определяли по-разному и который в целом означает «обладающий конкретным существованием индивид». Формулируется основная тринитарная формула Тертуллиана, впоследствии получившая широкое распространение на Западе: *una substantia – tres personae* («одна сущность – три лица»).

В § 1.3.2. **Учение о Божественной монархии** проводится анализ политико-юридического концепта *монархии* как «единственной и единой власти» (singulare et unicum imperium). Как таковая, монархия не препятствует тому, кому она принадлежит, осуществлять свою монархическую власть через тех, через кого он хочет. Это представление Тертуллиан экстраполирует на Бога: Отец, изначально обладая Божественной «монархией», т.е. всемогущей и единой властью над миром, делает ее «соучастниками» (par-

tipices) Сына и Духа, которые, будучи «причастными владению Отца» (consortes substantiae Patris), суть Его «служители» (ministres) и «управляющие» (officiales). В данном контексте термин *substantia* у Тертуллиана означает «собственность», «имущество», «владение», принадлежащее одному или нескольким лицам. Формулируется тезис, что эта тертуллиановская теория «Божественной монархии» предвосхищает появившуюся впоследствии на Востоке «социальную модель» Троицы.

В § 1.4. **Выводы** подводятся итоги исследования тринитарной доктрины Тертуллиана, которая может быть оценена как одна из самых успешных попыток решить тринитарную проблему в доникейский период христианской патристики.

В § 2. **Соотношение тринитарного учения Тертуллиана и Ипполита Римского** показывается, что помимо множества параллелей с Тертуллианом у Ипполита встречаются особенности, характерные для тринитарного учения Ириния Лионского. В частности, это «икономический тринитаризм», в котором понятие οἰκονομία указывает не на внутреннее распределение единой Божественной сущности по трем Лицам, как было у Тертуллиана, а на Их внешние функции в Божественном плане спасения людей. В целом, тринитарное учение Тертуллиана следует признать гораздо более развитым и философски фундированным, чем учение Ипполита. Доказать зависимость одного от другого не представляется возможным.

В § 3. **Римская тринитарная доктрина в III веке: пресвитер Новациан** анализируется дальнейшее развитие тринитаризма у латинских авторов III в. — Зефирина, Каллиста и особенно Новациана.

В § 3.1. **Монархианские тенденции в римской теологии III века** изучается монархианское направление, присущее начальной стадии формирования тринитарной доктрины Римской Церкви, что видно на примере тринитарного учения двух Римских пап — Зефирина (198–217 гг.) и Каллиста (217–222 гг.)

§ 3.2. **Тринитарное учение Новациана** посвящен тринитарному учению римского пресвитера и антипапы Новациана (ум. ок. 258 г.), изложенному в его трактате *De Trinitate*, написанном под сильным влиянием мысли Тертуллиана.

В § 3.2.1. **Бог Отец, Божественная сущность и ее атрибуты** выясняется, что учение Новациана о едином Боге, Божественной сущности и ее атрибутах тождественно учению о Боге Отце, первом Лице Троицы. При этом в учении о Божественной сущности (*substantia*) Новациан отступает от стоического представления о ней как материальном субстрате в сторону платонического учения о ее бестелесности и апофатичности.

В § 3.2.2. **Сын Божий и Его отношение к Богу Отцу** анализируется учение Новациана о Сыне Божиим (*Dei Filius*) как Логосе и разумно-творческой Силе Бога. Отмечается, что рождение Сына у Новациана не является результатом «икономии», но имеет вневременный и вечный харак-

тер. Новациан продолжает пользоваться стоической теорией *двойственного слова*, проводя различие между вечным Божественным *рождением* Сына (*divina nativitas, generatio*), когда Он вечно существовал в *внутри* Отца, независимо от происхождения мира («первая стадия»), и Его временным *исхождением* (*processio*) для творения мира, когда Он становится самостоятельным творческим агентом *рядом с* Отцом («вторая стадия»). Рассматриваются предложенные учеными (Дж. Келли, Дж. Папандреа, Г. Вольфсон, Р. Де Саймон) различные интерпретации того момента, с которого Новациан мыслит существование Сына в качестве *отдельного Божественного Лица* наряду с Богом Отцом. Рассматривается *логическое* решение Новацианом проблемы единства Бога при наличии в Нем двух Лиц (*duae personae*) — Отца и Сына, отчасти напоминающее тертуллиановскую концепцию «Божественной монархии» как «единой власти», отчасти предвосхищающее неоплатонические построения последующих латинских теологов — Мария Викторина и Августина. Указывается, что у Новациана единство Отца и Сына, заключается, во-первых, в *общности Их сущности* (*communio substantiae*), которая здесь, по всей вероятности, имеет юридическое значение «общего имущества», а не философское значение «онтологической сущности»; во-вторых, в *единстве Их всемогущей силы и власти над миром* (*divina potestas, auctoritas divinitatis, vis divinitatis*), передача которой от Отца к Сыну как Его служителю и от Сына обратно к Отцу обеспечивает ее неделимость и единство. В связи с этим Новациан развивает концепцию «морально-социального единства» Отца и Сына, между которыми существует «союз согласия» (*societatis concordia*), «союз любви» (*caritatis societas*) и единство «благодаря согласию, любви и приязни» (*per concordiam et per amorem et per dilectionem*). Данная концепция «морально-социального единства» Троицы хотя и уступает тертуллиановской концепции «субстанциального единства», но в определенной степени предвосхищает «социальную тринитарную модель» и концепцию «взаимопроникновения Ипостасей» (*περικύωρησις*), распространенные в греческой тринитарной теологии IV–VIII вв. Рассматривается и признается несостоятельной гипотеза П. Адо о том, что Новациан основывается на неоплатонической трехступенчатой схеме эманации: *μονή – πρόοδος – ἐπιστροφή* («пребывание – исхождение – возвращение»), а также гипотеза А. фон Гарнака, рассматривающая концепцию Новациана в эсхатологической перспективе как *динамический модализм*. Подчеркивается ярко выраженный *субординационизм* Новациана, который предполагает если не «субординацию сущности», то «субординацию авторитета», поскольку Сын не обладает тем же самым авторитетом и статусом единого Бога, что и Отец, будучи Богом *второго порядка* или *подчиненным Божеством*.

В § 3.2.3. **Святой Дух** раскрывается недостаточная определенность учения Новациана о Святом Духе, которого он никогда не называет «тре-

тым Лицом» Троицы и не говорит о Его предвечном бытии и Божестве, но лишь о Его функциях в мире.

В § 3.2.4. **Выводы** подводятся итоги исследованию тринитарной доктрины Новациана, зависящей от тринитарного учения Тертуллиана, а также от тех философских источников, на которые опирался Тертуллиан.

§ 4. **Тринитарный спор между Дионисием Римским и Дионисием Александрийским** посвящен спору между Дионисией, епископом Александрийским (247/248–265 гг.), и Римским папой Дионисием (259–268 гг.), имевшему место в 60-х годах III века, по поводу выражения «три Ипостаси» (τρεις ὑποστάσεις), которое признавал Дионисий Александрийский, но отвергал Дионисий Римский, что свидетельствует не только о разнице в терминологии, обусловленной естественным различием между двумя языками — латынью и греческим, но и о различии в тринитарных подходах, распространенных на Западе и на Востоке в середине III века, а также о различии в типе мышления и философских парадигмах, стоящих за тринитарными доктринами *субстанциального монизма* и *субординационизма*.

В § 5. **Тринитарная доктрина последних латинских апологетов: Арнобий и Лактанций** рассматривается место и роль Арнобия и Лактанция в процессе формирования латинского тринитаризма.

§ 5.1. **Арнобий и его иерархия божественных существ** посвящен анализу теологии Арнобия Старшего, или Африканского (ок. 240–327 гг.), которую можно рассматривать как определенный регресс в развитии латинской тринитарной доктрины. Как полагают ученые, представление Арнобия о едином Боге испытало определенное влияние платонизма и отличается спекулятивным характером. Иерархию божественных существ у Арнобия возглавляет высший и несотворенный Бог, «Верховный Владыка» (Deus princeps) и «высочайший Правитель» (summus rex), который по своей природе невидим, бесконечен, нерожден, бессмертен, вечен, бестелесен, бескачествен, непостижим и невыразим. Наряду с этим высшим Богом, с которым Арнобий отождествляет библейского Бога Отца, он признает Богом Христа, которого называет «Богом внутренних сил» (Deus interiorum potentiarum), «Господом всех сил» (virtutum omnium Dominus), «Богом–Спасителем» (Deus sospitator). Высказывается предположение, что Арнобий мыслит этого Бога–Спасителя в качестве некоего подчиненного Божества, посредствующего между Высшим Богом и людьми. Отмечается, что наряду с Ним Арнобий признает существование множества других богов (dii), сотворенных Высшим Богом. Эти духовные существа, к которым Арнобий относит богов, ангелов и демонов, имеют некую среднюю или «промежуточную природу» (media qualitas) и обладают определенными творческими функциями. Выдвигается тезис о том, что учение Арнобия — это не столько христианское учение о библейской Троице, сколько восхо-

дящее к платонизму генотеистическое¹ учение об *иерархии божественных существ*, составляющих своего рода «пантеон» или «семейство богов», неравных по своему положению, могуществу и достоинству. Рассматривается гипотеза М. Симмонса о том, что Христос в учении Арнобия подчинен Высшему Богу по своему положению в иерархии, а не по сущности, и доказывается ее несостоятельность. Указываются сходные черты учения Арнобия с учением платонизма (Платона, Апулея, Порфирия) и *Халдейских Оракулов*.

В § 5.2. **Лактанций и его бинитарное учение** проводится концептуальный анализ теологии Лактанция, ученика Арнобия и автора первого универсального компендиума христианского вероучения на латинском языке — *Divinae Institutiones* (ок. 304–313 гг.).

В § 5.2.1. **Генетическая сторона: Бог, Логос, ангелы** раскрывается основное положение теологии Лактанция — монотеистическое представление о единстве Божества, противопоставляемое языческому политеизму. Лактанций определяет Бога как высшее разумное и мыслящее начало (*intelligentia, sensus, ratio*), а в качестве одного из Его важнейших свойств рассматривает *нерожденность*, или *нетварность* (*non generatus, non factus*), т.е. отсутствие у Бога начала или причины бытия. Указывается, что, подобно Арнобию, Лактанций наряду с этим нерожденным Богом, которого он называет также «высшим» или «верховным Богом» (*unus maximus Deus, summus Deus*) и отождествляет с библейским Богом Отцом, признает существование множества сотворенных Им духовных существ, или ангелов, которых язычники называют «богами» (*dii*), но которые созданы высшим Богом и подчиняются Ему. В этой перспективе Лактанций вводит свое учение о Сыне Божиим. Для Лактанция Сын — это Посредник, которым Бог пользовался для творения ангелов и остальных вещей и которого Лактанций ставит в один ряд с другими тварными духами как *princeps angelorum* («князя ангелов»). Формулируется тезис о том, что Лактанцию свойствен тот же «генотеизм», что и Арнобию, отличающийся от него лишь более четким соотношением представления о богах с библейским представлением об ангелах. Для объяснения происхождения Сына от Отца Лактанций прибегает к *учению о Логосе*, однако дает ему свою оригинальную интерпретацию: в отличие от ангельских духов, Логос есть «наделенный звуком Дух» (*vocalis Spiritus*), т.е. Речь и Слово Божие (*Sermo et Verbum Dei*), происходящее от Бога для творения мира и сообщения людям Божественного откровения. Таким образом, Сын Божий сближается Лактанцием с ангельскими духами, которых Он превосходит лишь объемом полученного от Высшего Бога могущества и особой миссией в мире. Еще одной особенностью учения Лактанция о Сыне Божиим является его тес-

¹ Об античном «генотеизме», т.е. учении о «ступенчатой иерархии божеств, которая увенчивается Высшим Богом (и потому “единым”)), см. *Морескини К.* История патристической философии. М., 2011. С. 30–43.

ная связь с аналогичным учением в «Герметическом корпусе» и «Сивилиных Оракулах». Рассматривается гипотеза о присутствии у Лактанция стоической теории «двойственного слова».

В § 5.2.2. **Онтологическая сторона: Единство Отца и Сына** демонстрируется, что в учении о единстве Отца и Сына Лактанций следует тринитарному учению Тертуллиана и Новациана. При этом он не просто воспроизводит их учения, но делает из них новый синтез: тертуллиановский тезис о единстве Божественной сущности как единого материального субстрата (*una substantia, unus spiritus*) Лактанций соединяет с представлением Новациана и Дионисия Римского о взаимоотноительности понятий «Отец» и «Сын», ни одно из которых не может существовать без другого и одно обязательно предполагает другое, а также использует политико-юридическую теорию «Божественной монархии». Констатируется, что Лактанций понимает Божественное единство и как *взаимное отношение* двух связанных между собою Лиц (Отец – Сын), и как *онтологическое единство сущности* (*una substantia*), и как политико-юридическое *единство власти и чести*, и как *внутреннюю, нравственно-духовную общность* мышления, воли и любви.

В § 5.2.3. **Вопрос о Святом Духе. Бинитаризм** выдвигается и обосновывается тезис о том, что ранняя тенденция латинских авторов к *бинитаризму* достигает у Лактанция высшей точки своего развития, когда Лицо Св. Духа полностью растворяется в Лице Сына, которого Лактанций прямо называет «Божественным Духом» (*divinus Spiritus*), «Духом Божиим» (*Dei Spiritus*) и «Святым Духом» (*Sanctus Spiritus*). Это позволяет признать учение Лактанция о Боге не «тринитарным», но «бинитарным», поскольку вместо Троицы он учит о *Двоице* — Отце и Сыне. Рассматривается гипотеза К. Морескини о том, что бинитаризм Лактанция связан с влиянием на него со стороны стоицизма, в котором *логос* и *пневма* являются двумя по существу своему идентичными и совпадающими друг с другом реальностями.

В § 6. **Общие выводы** подводятся итоги изучения первого этапа развития тринитарной доктрины на Западе (150–325 гг.), прошедшего под мощным влиянием Тертуллиана. Перечисляются введенные им специальные термины и формулы, а также использованные им логические методы. Делается общий вывод о том, что для решения тринитарной проблемы латинские христианские мыслители III – начала IV вв., помимо библейского и патристического материала, в значительной степени опирались на современную им философскую традицию (стоическую, перипатетическую, среднеплатоническую, герметическую), а также использовали логико-философские методы и политико-юридические теории, позволившие им сформулировать рационально осмысленное и логически состоятельное тринитарное учение, которое оказалось широко востребованным уже в следующий период — эпоху тринитарных споров (325–381 гг.).

ГЛАВА III. Развитие тринитарной доктрины в период расцвета латинской патристики: учение о «единосущии» и «греческая тринитарная парадигма» на Западе (325–397 гг.)

§ 1. **Арианские споры и Никейский Собор 325 года** носит характер историко-философского введения в изменившуюся церковно-историческую ситуацию, на которую оказали определяющее влияние два фактора: во-первых, признание в 313 году христианства законной религией на территории всей Римской империи, давшее толчок к небывалому расцвету христианской письменности и интеллектуальной культуры, и, во-вторых, так называемые «арианские споры».

В § 1.1. **Арий и его учение о Боге** рассматривается теологическое учение Александрийского священника Ария о Отце как единственном нерожденном и несотворенном Боге и о Сыне как Его первичном творении, созданном из небытия и не имеющем ничего общего с сущностью Отца.

В § 1.2. **Никейский Собор 325 года и учение о «единосущии»** обсуждается значение первого Вселенского (Никейского) Собора 325 года для развития христианской тринитарной доктрины как на Востоке, так и на Западе, а также анализируется содержание принятого на нем *Никейского Символа веры* и значение использованного в нем философского термина ὁμοούσιος («единосущный»).

В § 1.3. **Основные доктринальные партии арианских споров в 350–360-е гг. и их тринитарное учение** рассматриваются тринитарные учения основных доктринальных партий, принимавших участие в арианских спорах IV в.: строгих «никейцев» (или «омоусиан»), «омиусиан», «омиев» и «аномеев».

§ 1.3.1. **Тринитарная доктрина св. Афанасия Александрийского** посвящен изложению тринитарной доктрины Афанасия, епископа Александрийского (295–373 гг.), являвшегося главным выразителем позиции «омоусиан» и оказавшего огромное влияние на сторонников Никейского собора как на Востоке, так и на Западе.

В § 1.3.2. **Учение Маркелла Анкирского о Логосе** рассматривается тринитарное учение сподвижника Афанасия — Маркелла, епископа Анкирского, склонного к *динамическому модализму*.

В § 1.3.3. **Догматическое послание Сердикского собора 343 года** анализируется вероучительный документ, принятый на соборе в Сердики (Софии) в 343 г. и оказавший влияние на тринитарную доктрину западных «никейцев».

В § 1.3.4. **Учение «омиусиан»** рассматривается тринитарная доктрина партии «омиусиан», во главе которой стоял Василий, епископ Анкирский, учивший о том, что Сын «подобосущен» (ὁμοιοούσιος) Отцу.

В § 1.3.5. Учение «омиев» и «аномеев» излагаются тринитарные доктрины умеренных ариан («омиев»), учивших о том, что Сын просто «подобен Отцу» (ὅμοιος τῷ πατρὶ), и крайних ариан («аномеев»), учивших о том, что Сын «от иной сущности» (ἐξ ἑτέρας οὐσίας), нежели Отец, и потому «неподобен» (ἀνόμοιος) Ему.

§ 2. Тринитарная доктрина западных «никеев» посвящен анализу тринитарной доктрины западных «никеев» как основных представителей латинского тринитаризма в середине — второй половине IV века.

В § 2.1. дается общая характеристика западных «никеев».

В § 2.2. Фебадий Агенский и Потамий Лиссабонский рассматриваются тринитарные доктрины первых западных «никеев» — Фебадия Агенского, автора трактата *Contra Arianos* (357–358 гг.) и Потамия Лиссабонского, который вместе с Осием Кордовским представлял испанскую школу. Показывается зависимость их учения от тринитарной мысли Тертуллиана, а также вероопределения Сердикского собора 343 г., делавшего сильный акцент на единстве Божественной сущности.

В § 2.3. Григорий Эльвирский исследуется тринитарная доктрина еще одного представителя испанской школы — Григория, епископа Эльвирского, принадлежавшего к партии строгих «никеев» («лукифериан») и автора трактата *De fide orthodoxa contra Arianos* (ок. 360 г.). Показывается его зависимость от тринитарной мысли Тертуллиана, Новациана и вероопределения Сердикского собора 343 г. Демонстрируется, что в отличие от Тертуллиана и Фебадия, Григорий понимает единство Божественной сущности не в смысле общего материального субстрата, а в *универсальнородовом смысле* (*unitas generis*). Выдвигается тезис о том, что своим учением о Св. Духе Григорий предвосхищает западное учение о *Filioque*.

§ 2.4. Дамас Римский посвящен анализу тринитарной доктрины другого крупного западного «никейца» — Римского папы Дамаса (366–384 гг.). Анализируется содержание «Исповедания веры» (*Confessio fidei*), составленного Дамасом на Римском соборе 377 г. или 380 г. и известного как *Tomus Damasi*.

В § 2.5. Зинов Веронский рассматривается тринитарное учение еще одного западного «никейца» — Зинова, епископа Веронского (ум. ок. 370/371 г.), который в своих проповедях раскрывал для простого народа «тайну единственной веры в единую Троицу» (*sacramentum semel creditae unitae Trinitatis*). Показывается, что Зинов разделял стоическое по происхождению представление о Божественной сущности как едином материальном субстрате, использовал стоическую теорию «двойственного слова» и рассматривал Св. Дух как связь (*fretum*) между Отцом и Сыном, благодаря которой полнота Божественной сущности и силы вечно сообщается от Отца к Сыну, и наоборот.

В § 2.6. **Фаустин** исследуется тринитарная доктрина римского пресвитера Фаустина, принадлежавшего к партии «лукифериан» и написавшего книгу *De Trinitate sive De fide contra Arianos* (383–385 гг.), и утверждается, что его основным вкладом в развитие тринитарной доктрины на Западе можно рассматривать учение о Божестве Св. Духа, «единосущного с Отцом и Сыном» (*eiusdem substantiae cum Patre et Filio*).

§ 2.7. **Иероним Стридонский** посвящен реконструкции и анализу тринитарного учения выдающегося западного экзегета и переводчика Библии — Иеронима Стридонского (ок. 347–420 гг.). Отмечается использование им классической тертуллиановской формулы *una substantia – tres personae* и констатируется непонимание им смысла греческого учения о τρεῖς ὑποστάσεις («трех ипостасях»), обусловленное различием греческой и латинской философской терминологии и тринитарных парадигм. Упоминается использование другом Иеронима Руфином Аквилейским термина *subsistentia* в качестве аналога греческого термина ὑπόστασις.

В § 2.8. **Выводы** подводятся итоги исследования тринитарной доктрины западных «никейцев», характеризуемой сочетанием раннего латинского тринитаризма с его концепцией «единой сущности и трех Лиц», с Никейским учением о «единосущии» Отца и Сына и происхождении Сына «из сущности Отца».

§ 3. **Учение Великих Каппадокийцев о различии сущности и ипостаси** посвящен анализу тринитарной доктрины Великих Каппадокийцев (св. Василия Великого, Григория Назианзина и Григория Нисского), основанной на различии между понятиями οὐσία («сущность») и ὑπόστασις («ипостась») как «общего» и «индивидуального» — «второй» и «первой» сущности аристотелевских *Категорий*, — легшего в основу «греческой тринитарной парадигмы», известной также под именем «греческого персонализма»² и оказавшей определенное влияние на развитие западного тринитаризма в IV веке.

В § 4. **Тринитарная доктрина св. Илария Пиктавийского** исследуется тринитарная доктрина выдающегося западного «никейца» — св. Илария, епископа Пиктавийского (ок. 315–367 гг.).

§ 4.1. **Источники тринитарной доктрины св. Илария и его отношение к «омиусианам»** посвящен сочинениям св. Илария против ариан и источникам его тринитарной доктрины (труды св. Афанасия Александрийского, Евсевия Эмесского, Василия Анкирского), а также его положительному отношению к учению партии «омиусиан». Ставится вопрос об отно-

² Под «персонализмом» в данной диссертации понимается философское учение о *первичности личности* по отношению к сущности или природе, или, по-другому, учение о необходимости мыслить Бога в *категориях личности*, а не природы, — так, как это принято считать у современных православных философов и богословов (В.Н. Лосского, Х. Яннараса, И. Зизиуласа и др.).

шении св. Илария к античной философии и возможных философских источниках его учения.

В § 4.2. **Тринитарная формула св. Илария и учение о различии Лиц Троицы** рассматривается одна из тринитарных формул Илария, находящаяся во второй книге его трактата *De Trinitate*.

§ 4.2.1. **Бог Отец и Божественная природа** посвящен анализу учения Илария о Боге Отце и атрибутах Его Божественной природы, в основе которого лежит понятие о Нем как самобытном, ни от кого не заимствованном, независимом Бытии (*esse, id quod est*), из которого логически выводятся все Божественные атрибуты. Констатируется отрицание Иларию не только внешней материальной сложности в Боге, но и внутренней метафизической сложности, что предполагает учение о Его абсолютной простоте. Указывается, что полнота бытия Отца проявляется в рождении Им Сына и изведении Св. Духа.

В § 4.2.2. **Бог Сын** рассматриваются характерные особенности учения Илария о Сыне как «Единородном Боге» (*unigenitus Deus*), рожденном «из сущности Отца» (*de substantia Patris*). Демонстрируется развитие Иларию учения св. Афанасия о Сыне как совершенном и истинном Образе Бога (*forma Dei, imago, species*), отражающем в Себе всю полноту природы Отца (*imago naturae, imago substantiae*). Анализируется значение «омиусианских» терминов у Илария, а также различных физических и «психологических аналогий» акта рождения Сына. Поднимается вопрос о рождении Сына по воле Отца и о Его роли в творении мира.

§ 4.2.3. **Святой Дух** посвящен учению Илария о Св. Духе, которое не столь определено, как его учение об Отце и Сыне. Рассматриваются доказательства нетварности и Божественности Св. Духа у Илария и констатируется осмысление им Духа в рамках предшествовавшей западной бинитаристской тенденции в качестве синонима Божественной природы Сына или общей *силы* (*potentia*) и *принадлежности* (*res*) Отца и Сына. Личное свойство Св. Духа — *исходить от Отца* (*a Patre procedere, proficisci, egressio*) и *посылаться* (*mitti*) Сыном. Указывается на нерешительность Илария в вопросе о происхождении Св. Духа и использование им тертуллиановской формулы исхождения «через Сына» (*per unigenitum*), а также представление об Отце и Сыне как двух причинах бытия Св. Духа (*Patre et Filio auctoribus*). Приводятся различные интерпретации понятия о Св. Духе как «Даре» Отца и Сына (*donum, munus, usus in munere*) и Его роли в творении и управлении миром.

В § 4.3. **Единство Лиц Троицы** исследуются основные принципы единства Троицы у Илария: во-первых, «монархия» Бога Отца как единого источника и причины (*auctor*) бытия Сына и Духа; во-вторых, *общая сущность* (*substantia*), или *природа* (*natura*), получаемая Сыном и Духом от Отца. Рассматривается учение о «единосущии» (*unius substantiae, unius naturae, homousii*) Лиц Троицы. Формулируется тезис о понимании Иларию

термина «сущность» (*substantia, essentia*) в *универсально-родовом смысле* и отождествлении им сущности с понятием «рода» (*genus*) или с «природой определенного рода» (*genus naturae, naturale genus*). Рассматривается учение Илария о *реальности универсалий* (общих понятий). Делается вывод о том, что «тринитарная модель» Илария, основанная на различии единичного и общего, сходна с тринитарной моделью Великих Каппадокийцев, основанной на различии ипостаси и сущности как аристотелевской «первой» и «второй» сущностей. Исследуется представление Илария о единстве Божественных атрибутов, силы, власти и действия Лиц Троицы, а также о Их взаимопробывании, что еще больше сближает тринитарную доктрину Илария с «греческой тринитарной парадигмой». Ставится вопрос о косвенной зависимости учения Илария от философии в сфере терминов, понятий и методологии.

§ 5. **Тринитарная доктрина св. Амвросия Миланского** посвящен анализу тринитарной доктрины другого выдающегося западного «никейца» — св. Амвросия, епископа Миланского (ок. 339–397 гг.).

В § 5.1. **Св. Амвросий и греческая философская и теологическая традиция** рассматривается роль античной философии в образовании Амвросия и формировании его взглядов. Ставится вопрос о христианском неоплатонизме Амвросия и его принадлежности к так наз. «Миланскому неоплатоническому кружку». Рассматриваются основные сочинения Амвросия по тринитарному вопросу (*De fide*, 378–379 гг. и *De Spiritu Sancto*, 381 г.) и демонстрируется его сильная зависимость от греческой тринитарной теологии (св. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Дидима).

В § 5.2. **Бог Отец и Божественная сущность** исследуется учение св. Амвросия о Боге Отце и Божественной сущности (*divina substantia*), означающей Его вечное, самодостаточное и независимое бытие ($\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$ от $\omicron\upsilon\sigma\alpha \acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}$, *semper esse*), в равной мере свойственное всей Троице.

§ 5.3. **Учение о Логосе** посвящен анализу учения Амвросия о Сыне как Божественном Логосе (*Verbum Dei, λόγος, rationabile Dei*), имеющем у него много черт, сходных с учением Филона и раннехристианских апологетов. Логос рассматривается как действующий агент и живой самостоятельный субъект (*vivum et operatorium Verbum, substantivum Verbum*), обладающий функциями по упорядочиванию мира, распределению различных качеств и способностей, а также связыванию воедино всех частей космоса.

В § 5.3. **Рождение Сына и учение о «единосущии»** рассматривается учение Амвросия о Божестве Сына (*verus Deus*) и Его единосущии с Отцом (*unius substantiae, ὁμοούσιος*). Анализируется концепция «природного рождения» Сына как существенного и неотъемлемого свойства Бога Отца. Констатируется, что рождение Сына как Премудрости, Слова и Силы Отца

у Амвросия обусловлено «полнотой Божественного совершенства» (*plenitudo perfectionis divinae*).

§ 5.4. **Святой Дух** посвящен вопросу о Третьем Лице, которому св. Амвросий посвятил свой трактат *De Spiritu Sancto*. Рассматриваются доказательства нетварности и Божественности (*deitas, divinitas*) Св. Духа и Его «единосушная» с Отцом и Сыном (*unius cum Filio Dei et Deo Patre esse substantiae*), а также значение имени «Дух» (*Spiritus*) как синонима общей Божественной природы Отца и Сына. Указывается на нерешительность Амвросия в вопросе о происхождении Св. Духа и сочетание им представления об исхождении Духа от Отца (*a Patre procedit*) с представлением о Его «двойном исхождении» (*procedit a Patre et Filio*), в чем можно усматривать предвосхищение учения о *Filioque*.

В § 5.5. **Тринитарные формулы и единство Троицы** выясняется вклад Амвросия в формирование латинского тринитаризма, заключающийся в окончательном утверждении представления о едином Боге как единосущной и «совершенной в отдельных Лицах Троице» (*perfecta in personis singulis Trinitas*). Отмечается опора Амвросия на тертуллиановскую формулу: *una substantia tres personae*, которую он осмысляет в свете каппадокийской формулы $\mu\acute{\iota}\alpha\ \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\ \tau\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \upsilon\pi\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\varsigma$. Анализируются основные тринитарные термины и принципы единства и различия в Троице: на различия указывают термины — *persona, singularitas, personarum proprietates, quomodo esse, diversa species, diversus modus*, на единство — *una substantia, una natura*. Формулируется тезис о том, что главным принципом единства Бога у Амвросия является не монархия Отца, но *единая сущность* (*substantia*), или *природа* (*natura*) Троицы, именуемая «Божеством» (*deitas, divinitas*). При этом Амвросий, так же как св. Иларий и Каппадокийцы, понимает эту Божественную сущность или природу Троицы в *универсально-родовом смысле* (*natura communis, genus*), что подтверждается использованием Амвросием аристотелевского учения об общих понятиях и каппадокийской «социальной аналогии». Констатируется недостаточность понятия о единстве общей универсально-родовой сущности для доказательства абсолютного единства Бога и введение Амвросием учения о полном *тождестве* в Троице *всех существенных атрибутов* Божественной сущности (*proprietates substantiae*), таких как могущество, власть, величие, воля, сила и действие, обусловленное отсутствием каких-либо пространственно-временных границ между Лицами Троицы, которые образуют не только «родовое единство» (*generalis unitas*), но и «нераздельную общность и союз» (*societas individua, individua copula, societas quaedam et communio Patris et Filii et Spiritus sancti*), где единство общей сущности дополняется нераздельным единством и фактическим тождеством Их совместной жизни и деятельности. Поднимается вопрос о трех частях философии (физика, этика и логика) как указании на особые функции каждого Лица в творении и

управлении миром у Амвросия и его влиянии на тринитарное учение Августина.

В § 6. Общие выводы подводятся итоги исследования тринитарной доктрины латинских христианских мыслителей середины – второй половины IV. Доказывается, что наибольший вклад в ее формирование внесли св. Иларий Пиктавийский и св. Амвросий Миланский, которым впервые после Тертуллиана удалось создать на Западе универсальную тринитарную доктрину, отвечающую требованиям своего времени и включившую в себя множество элементов греческой тринитарной мысли. Основной чертой этой доктрины стало различие между Божественной сущностью (природой) и Лицами как между общим и индивидуальным (сущностью и ипостасью), а также тесно связанная с этим «социальная модель» Троицы, в которой единство Божественных Лиц мыслится не просто как единство универсально-родовой сущности или природы, но как теснейшая взаимосвязь и взаимообщение трех совершенных Лиц, обладающих одной и той же силой, волей, действием и остальными существенными атрибутами Божества. Формулируется тезис о том, что эта «греческая тринитарная парадигма» на Западе вскоре была вытеснена «латинской тринитарной парадигмой», сформированной в трудах Мариа Викторина и Аврелия Августина.

Глава IV. Развитие тринитарной доктрины в период расцвета латинской патристики: «латинская тринитарная парадигма» (355–430 гг.)

§ 1. Возникновение «латинской тринитарной парадигмы»: тринитарная доктрина Мариа Викторина посвящен реконструкции и анализу тринитарной доктрины римского ратора и философа Мариа Викторина (ок. 291–382 гг.).

В § 1.1. Христианский платонизм Мариа Викторина и его труды, посвященные тринитарной проблеме рассматривается философско-риторическое образование Мариа Викторина, его философские и теологические сочинения и их источники. Формулируется тезис о том, что учение Мариа Викторина может быть охарактеризовано как «христианский платонизм».

§ 1.2. Учение об «умопостигаемой триаде» и его философские истоки посвящен истории происхождения (от Платона до Прокла) и анализу содержания неоплатонического учения о так наз. «умопостигаемой триаде» (νοητὴ τριάς): *бытие – жизнь – мышление* (ὄν – ζωή – νοῦς), оказавшего непосредственное влияние на тринитарную доктрину Мариа Викторина.

В § 1.3. «Апофатическая теология» и первая и вторая тринитарные схемы Викторина рассматривается «апофатическая теология» Мариа Викторина, в которой Бог мыслится как вышебытийное Единое первой посылки платоновского «Парменида». Приводятся связанные с этим первая

(*апофатически-безличная*) и вторая (*апофатически-личная*) «тринитарные схемы» Викторина и делается их философский анализ. Формулируется тезис о том, что Викторин впервые в истории западной философии вводит различие между *бытием* (esse) и *сущим* (ὄν), которые он отождествляет соответственно с Отцом и Сыном.

В § 1.4. Учение об «умопостигаемой триаде» и третья тринитарная схема Викторина анализируется третья (*катафатически-личная*) тринитарная схема Викторина, основанная на неоплатонической теории «умопостигаемой триады» и являющаяся наиболее адекватным выражением его тринитарной доктрины:

Отец	Сын	Дух
Бытие	Жизнь	Мышление
esse	vivere	intellegere

Констатируется, что теория «умопостигаемой триады» позволила Викторину впервые в истории западной патристической мысли сформулировать *чисто философское учение о Троице*, которое строится на логическом анализе таких метафизических категорий неоплатонизма, как чистое или абсолютное *бытие, жизнь и мышление*. Показывается, что соотношение между ними у Викторина, как и у Плотина, имеет динамический характер: это вечный процесс свободного самополагания и самоопределения Бога как чистого Бытия, не имеющего определения и формы, которое определяет себя сначала как Жизнь, исходящая из Бытия, а затем возвращается к себе как Мышление, чем достигается полнота Божественного самосознания и самоопределения. Рассматриваются две аналогии, иллюстрирующие эту метафизическую схему: (1) акт зрительного восприятия и (2) самосознание индивидуальной души (так наз. *психологическая аналогия*); реконструируются возможные философские источники этих аналогий.

В § 1.5. **Первая диада: Отец и Сын** раскрывается тезис П. Адо о том, что тринитарное учение Викторина можно разложить на учение о «двойной диаде»: *Отец – Сын* и *Сын – Дух*. Анализируется первая из этих диад. Различие между Отцом и Сыном выражается Викторин в категориях *потенции и акта, покоя и движения, сущности и явления, содержания и формы*; исследуется содержание и античные философские истоки этих категорий. Приводится сравнительная таблица категориальных определений Отца и Сына. Устанавливается сходство учения Викторина о происхождении Сына от Отца с учением Плотина о происхождении Ума от Единого. Анализируется концепция «самопорождения» Сына (*generatio sui ipsius, αὐτόγονος motus*) и Его «единосущия» (ὁμοούσις, *consubstantialis*) с Отцом.

В § 1.6. **Вторая диада: Сын и Святой Дух** анализируется вторая Божественная диада, где Сын и Св. Дух рассматриваются как *единое движе-*

ние (*una motio*) Божественного Бытия (Отца), имеющее разную направленность — *нисходящую* (*descensio = vita*) и *восходящую* (*ascensio = sapientia*), или вечное круговое движение (*circularis motus, sphairica motio*) Божественного самоопределения и самопознания, в котором Бог Сам определяет Самого Себя и мыслит Самого Себя. Констатируется транспозиция Викторина неоплатонической схемы эманации: $\mu\omicron\nu\eta$ – $\pi\rho\omicron\beta\omicron\delta\omicron\varsigma$ – $\acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\tau\rho\omicron\phi\eta$ (*пребывание – исхождение – возвращение*) в христианскую тринитарную доктрину, где пребыванию соответствует Отец, исхождению — Сын, возвращению — Святой Дух (*status, progressio, regressus, o beata Trinitas*). Указываются неоплатонические коннотации этой концепции. Формулируется тезис о том, что представление Викторина о Св. Духе как всецело заключенном в Сыне и фактически не отличающемся от Него (*idem, unum*) может быть объяснено не только с помощью неоплатонизма, но и с помощью ранней латинской *бинитаристской тенденции*. Рассматривается концепция исхождения Духа от Отца через Сына (*a Patre per Christum, τῷ Λόγῳ*) и понятие о Духе как *связи* между Отцом и Сыном (*Patris et Filii copula, connexio, complexio*).

§ 1.7. Единство и различие в Троице. Тринитарная терминология посвящен анализу тринитарной терминологии Викторина и основных принципов единства и различия в Троице. Формулируется тезис о том, что единство Бога Викторин понимает в смысле единства *одной и той же единичной сущности*, обладающей формой и знающей саму себя (*substantia formata sibi nota*), т.е. обладающей атрибутами *бытия, жизни и мышления*. Бог предстает как «Дух, обладающий тремя потенциями в единстве» (*tripotens in unalitate spiritus, τριδύναμος*). Исследуются неоплатонические и гностические истоки этой концепции. Сравняется греческая и латинская тринитарная терминология у Викторина ($\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$ = *substantia = quod est esse = subjectum*; $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ = *subsistentia*) и констатируется неоплатоническое происхождение определения ипостаси как «бытия, получившего форму» (*esse formatum*). Указывается на несовпадение значения термина $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ (лат. *subsistentia* или *existentia*) у Викторина со значением, которое этот термин имел у «омиусиан» и Каппадокийцев. Рассматривается тезис П. Анри о том, что Викторин впервые в латинской патристической традиции сформулировал принцип «Божественной простоты» (*divine simplicity*), предполагающий тождество в Боге субъекта и предикатов, субстанции и акциденций, сущности и свойств. Анализируются неоплатонические принципы «импликации и превалирования» как основание для учения о единстве и различии в Троице у Викторина, означающие наличие в Божественной Троице «тождества в различии» (*identitas in alteritate*) и «различия в тождестве» (*alteritas in identitate*), в чем можно видеть предвосхищение схоластического учения об «апроприации» (*appropriatio*).

В § 1.8. **Выводы** подводятся итоги исследования тринитарной доктрины Мариа Викторина, которому впервые в истории латинской патристики удалось создать *чисто рационалистическое* учение об «имманентной Троице», где троичность аналитически выводится из понятия о едином Боге как абсолютном Духе, свободно самополагающем и самоопределяющем свою внутреннюю жизнь совершенно независимо от каких-либо отношений к творению. Формулируется тезис о том, что такую тринитарную доктрину можно назвать *субстанциализмом* (или *эссенциализмом*), поскольку в ней Лица Троицы производны по отношению к сущности и мыслятся при помощи «психологической аналогии» с индивидуальной душой, в чем заключаются главные характерные черты «латинской тринитарной парадигмы».

§ 2. **Окончательное оформление «латинской тринитарной парадигмы»: тринитарная доктрина Аврелия Августина** посвящен реконструкции и анализу тринитарной доктрины Аврелия Августина (354–430 гг.), самого выдающего христианского мыслителя на латинском Западе не только в эпоху патристики, но и в период раннего Средневековья.

В § 2.1. **Христианский платонизм Августина и источники его тринитарной доктрины** разбирается вопрос о риторико-философском образовании Августина, его отношении к различным философским школам и предпочтении им платоновской школы, а также о его знакомстве с сочинениями Платона, Плотина и Порфирия. Устанавливаются философские и теологические источники его тринитарной доктрины и рассматриваются его сочинения, посвященные тринитарной проблеме. Формулируется тезис о том, что в формировании тринитарной доктрины Августина можно выделить два периода: ранний (386–400 гг.) и зрелый (400–428 гг.).

§ 2.2. **Ранняя форма тринитарной доктрины Августина: неоплатонизм, «философская аналогия» и «тринитарная онтология»** посвящен реконструкции и анализу ранних форм тринитарной доктрины Августина — «философской аналогии» и «тринитарной онтологии». Первая, раскрытая в ранних философских диалогах Августина, заключается в последовательном познании Бога методом *интроспекции*, т.е. духовного обращения человека из внешнего мира внутрь себя, к своей душе и находящемуся в ней умопостигаемому миру чистых идей, а затем — интеллектуального восхождения к Богу (собственно *анагогии*) через усваиваемый разумом «порядок наук» (*ordo eruditionis*). В результате этого человек внутри самого себя способен обнаружить присутствие Бога, который открывается ему как единое *Первоначало* (*principium*) через порожденный Им Ум (*intellectus, sapientia, veritas*), содержащий в себе полноту идей (*ideae, principales formae, rationes*), а затем — через исходящий от Ума Разум (*ratio = λόγος = мировая Душа*), или Божественный Дар (*donum Dei*), просвещающий душу и делающий ее способной к познанию идей в их совокупности (в Божественной Премудрости), а также самогó их Первоначала, или «Вы-

сочайшей Меры» (*summus modus*). Анализируется тезис О. Дю Руа о том, что Августин обнаружил этот внутренний способ познания тайны Божественной Троичности у Плотина, сочинения которого побудили его рассматривать христианское учение о Троице в свете неоплатонического учения о трех ипостасях (Единое – Ум – Душа). Показывается, что помимо этого «анагогического» способа познания и выражения тайны Троичности в процессе познания истины, другой формой ранней тринитарной доктрины Августина была «тринитарная онтология», или «тринитарная метафизика», суть которой заключается в том, что Божественная Троица открывается в мире как Первопричина трех состояний или трех параметров всех сотворенных вещей, таких как *бытие – форма – порядок* (*esse – species – ordo*), *мера – форма – порядок* (*modus – species – ordo*), *мера – число – вес* (*mensura – numerus – pondus*) и др. В свою очередь, обнаружение в мире подобной онтологической структуры (или «следов Троицы» — *vestigia Trinitatis*) приводит человека к познанию ее тройственной Первопричины (*causa trina*) — самой Божественной Троицы. Исследуются возможные философские и риторические источники этой концепции и приводятся различные тринитарные схемы и таблицы, наглядно демонстрирующие связь «тринитарной онтологии» с «тринитарной теологией» Августина.

В § 2.3. **Зрелая форма тринитарной доктрины Августина: «тринитарное *cogito*» и «психологическая теория» Троицы** формулируется тезис о том, что переход к зрелой форме тринитарной доктрины Августина связан с открытием им тринитарной структуры человеческого сознания, или «тринитарного *cogito*».

В § 2.3.1. **«Тринитарное *cogito*» и теория «умопостигаемой триады»** исследуется процесс формирования учения Августина о самопознании как «тринитарном *cogito*», его связь с неоплатонической теорией «умопостигаемой триады» (*esse, vivere, intellegere*) и его различные формы (*sum – vivo – intelligo; vivo – scio – volo; sum – nosco – volo; sum – nosco – diligo*). Разбираются предложенные учеными различные гипотезы, объясняющие трансформацию ранней формы «тринитарного *cogito*» Августина в его зрелые формы, легшие в основу «психологической теории» Троицы, а также их возможные философские источники.

В § 2.3.2. **«Психологическая тринитарная модель» и ее разновидности** формулируется тезис о том, что в сочинениях Августина существует несколько разновидностей «психологической тринитарной модели», или «троицы ума» (*trinitas mentis*), образованных на основе тех или иных вариантов «тринитарного *cogito*».

§ 2.3.2.1. **Бытие – знание – воля (*esse – nosse – velle*)** посвящен анализу первой «психологической тринитарной модели», предложенной Августином в 13-й книге «Исповеди»: *бытие – знание – воля* (*esse, nosse, velle*). С помощью метода аналогии Августин экстраполирует это представление о тринитарной структуре человеческого самосознания на Бога, представ-

ляющего Собой триединство высшего Бытия, Знания и Воли, которые в Нем абсолютны, неизменны и вечны.

§ 2.3.2.2. **Бытие – знание – любовь (esse – nosse – amare)** посвящен анализу второй «психологической тринитарной модели», предложенной Августином в 11-ой книге трактата «О граде Божием»: *бытие – знание – любовь* (esse, nosse, amare), где термин «воля» (voluntas, velle) заменен термином «любовь» (amor, amare, diligere), так как для Августина любовь тождественна воле, будучи «усиленной волей» (valentior voluntas). Рассматриваются возможные философские источники этой «тринитарной модели».

§ 2.3.2.3. **Ум – знание – любовь (mens – notitia – amor)** посвящен анализу третьей «психологической тринитарной модели», предложенной Августином в 8-й и 9-й книгах трактата *De Trinitate* и являющейся базовой для других «психологических» и «квази-психологических моделей» в этом трактате. Августин показывает, что понятие любви (amor) включает в себе три элемента: (1) *субъект любви* (amans), (2) *объект любви* (quod amatur) и (3) *акт любви* (amor), соединяющий то и другое; а затем переносит это понятие на человеческий ум, который знает и любит самого себя. Отсюда получается следующая «тринитарная модель»: *ум – знание себя – любовь к себе* (mens – notitia sui – amor sui), являющаяся образом Божественной Троицы: Отца (Любящего), Сына–Премудрости (Любимого) и Св. Духа (Любви). При этом третий элемент — *любовь* или *Дух* — рассматривается Августином в качестве *связки* (quasi medius conjungens, copulans) между первыми двумя. Рассматриваются возможные философские источники этой «тринитарной модели» и различные гипотезы ученых. Исследуется учение Августина о знании умом самого себя как некоем «порождении» ума (proles) или его «внутреннем слове» о самом себе (verbum interius, verbum intus manens, verbum in corde, verbum de se ipsa), что представляет собой разновидность стоической теории «двойственной речи». Констатируется, что, опираясь на метод «психологической аналогии», Августин показывает, как процесс самопознания ума завершается в рождении им «внутреннего» или «ментального слова» (verbum interius), являющегося в человеке подобием вечного Слова Божиего. В целом, в свете третьей «психологической тринитарной модели» Августин представляет внутреннюю жизнь Бога как вечный процесс Божественного самопознания и любви в Троице (esse ergo Trinitas, sapientia scilicet et notitia sui et dilectio sui).

§ 2.3.2.4. **Память – мышление – воля (memoria – intellectus – voluntas)** посвящен анализу четвертой «психологической тринитарной модели», рассматриваемой Августином в 10-й, 14-й и 15-й книге трактата «О Троице»: это *память – мышление – воля* (memoria, intelligentia, voluntas). Рассматриваются различные гипотезы, откуда здесь появляется термин «память» (memoria) и что он означает. Выясняется, что память есть постоянное, внутреннее, *врожденное знание ума о самом себе*, в связи с чем про-

цесс самопознания ума мыслится Августином как переход от потенциального знания ума о себе как постоянного присутствия в самом себе («память») к актуальному познанию себя («мышление»), которое совершается благодаря врожденному стремлению («воле» или «любви») ума как субъекта к самообъективированию через самодифференциацию и самоидентификацию. Рассматриваются возможные философские источники этой концепции. Разъясняется, что именно в этой «психологической троице» (*память – мышление – воля*) находится наилучший, с точки зрения Августина, образ Божественной Троицы (*imago Trinitatis*), поскольку в нем присутствует наибольшее количество сходных черт между образом (человеческим умом) и Первообразом (Богом). Формулируется тезис о том, что все «психологические тринитарные модели» Августина, построенные по образцу «тринитарного *cogito*», представляют собой разновидности одной и той же «тринитарной модели», которая конструируется по аналогии с самосознанием индивидуальной души, обладающей набором из трех определенных базовых характеристик или способностей, которые по мере необходимости могут мыслиться в потенциальном или актуальном состоянии. В связи с этим данная «тринитарная модель» с полным правом может быть названа «психологической моделью» Троицы.

§ 2.3.2.5. «Квази-психологические тринитарные модели» посвящен исследованию трех «квази-психологических тринитарных моделей», построенных на основе анализа актов чувственного восприятия и чувственного познания, но имеющих ту же базовую структуру, что и «психологические модели». Это такие модели, как (I) «триада внешнего зрения» (*visio externa*), состоящая из (1) воспринимаемого зрением предмета (*res*), (2) акта зрительного восприятия (*visio*) и (3) внимания воли (*animi intentio, intentio voluntatis*), посредством которого ум направляет взгляд на видимый предмет; (II) «триада внутреннего зрения» (*trinitas interior*), состоящая из (1) образа предмета в памяти (*imago in memoria*), (2) внутреннего зрения (*visio interna*) и воли, соединяющей то и другое (*voluntas quae utrumque copulat*); наконец, (III) триада: *талант – учение – польза* (*ingenium, doctrina, usus*), конструируемая по образцу четвертой «психологической триады» (*память – мышление – воля*). Отмечается соответствие между «триадой внутреннего зрения» и ранней «тринитарной онтологией» Августина (триадой: *мера – число – вес*). Подводятся итоги анализа четырех «психологических» и трех «квази-психологических тринитарных моделей» Августина. Формулируется тезис о том, что метод построения «психологических тринитарных моделей», или «психологическая теория» Троицы, может рассматриваться как своего рода *синтез всех трех видов тринитарной рефлексии* Августина: «философской аналогии», «тринитарной онтологии» и «психологической аналогии». Отмечается высокий уровень философской рефлексии, проявленный Августином при конструировании «психологических» и «квази-психологических тринитарных моделей»; причем

установить точную зависимость в этом Августина от предшествовавшей философской традиции не представляется возможным. Очевидно, философская рефлексия Августина над природой и устройством человеческой души и человеческого познания хотя и отражает определенные базовые философские когнитивные и психологические теории, распространенные в неоплатонизме, перипатетизме и стоицизме, но является во многом плодом оригинальных наблюдений и глубоких размышлений самого автора. Результаты этой философской рефлексии над тринитарным догматом представляются настолько новыми и оригинальными, что могут быть объяснены лишь гениальностью Августина как выдающегося христианского мыслителя.

В § 2.4. Единство и различие в Троице. Тринитарная терминология анализируется основная тринитарная терминология Августина и базовые принципы единства и различия в Троице. На примере различных тринитарных формул демонстрируется, что для Августина единый Бог — это сама Троица (*unus et solus et verus Deus ipsa Trinitas*). Рассматривается основная тринитарная формула Августина: *una essentia vel substantia, tres personae* («одна сущность или субстанция и три Лица») и значение входящих в нее терминов *essentia* («сущность») и *substantia* («субстанция»); показывается неадекватность (*abusive*), с точки зрения Августина, применения последнего термина к Богу, который, по его мнению, не является подлежащим (*subjectum*) Своих качеств. В связи с этим анализируется учение Августина о «Божественной простоте», в основе которого лежит принцип: «то, что Бог имеет, есть Он Сам» (*quod habet hoc est*), предполагающий полное тождество в Боге сущности и ее атрибутов, а также отрицание различия в Нем между *бытием сущностным* (*esse = essentia*) и *бытием самостоятельным* (*subsistere = substantia*), т.е. между *сущностью* и *ипостасью*. Формулируется тезис о том, что главным принципом единства Троицы у Августина выступает *Божественная сущность* (*ipsa essentia non aliud sit quam ipsa Trinitas*). Исследуется вопрос, в каком смысле Августин понимает это единство Божественной сущности, и доказывается, что оно означает *конкретно-единичное нумерическое единство субстанции*. Этот тезис доказывается, во-первых, тем, что Августин полностью отрицает возможность понимать соотношение между Божественной сущностью и Лицами Троицы по типу соотношения *родо-видовых* и *индивидуальных понятий* (т.е. «вторых» и «первых сущностей» аристотелевских *Категорий*), и, во-вторых, понимает в Боге единую сущность (*una essentia, una substantia*) как нечто *единично-конкретное* (*una res*), подобно тому, как понятие «один человек» (*unus homo*) означает «единичный человек» (*singulus homo*), который не может подразделяться на других единичных людей. Анализируется также термин *natura* («природа») и рассматривается тезис Р. Кросса о возможности понимания Августином единства Троицы по подобию единства материального субстрата; доказывается несостоятельность этого тезиса.

Рассматривается значение термина «лицо» (*persona*) и показывается, что хотя значение этого термина для Августина неясно, он считает его общим *родовым именем* (*commune nomen, generale nomen*) для всех Лиц Троицы, которое, согласно принципу «Божественной простоты», совпадает в Боге с самой Его сущностью. Так Августин полностью устраняет всякое различие в Боге между понятиями «сущность», «субстанция» и «лицо». Анализируется теория «отношений» (*relationes*) в Троице, считающаяся оригинальным открытием Августина и впоследствии трансформировавшаяся в средневековое схоластическое учение о «субсистентных отношениях» (*relationes subsistentes*). Согласно этой теории, Лица Троицы различаются по *категории отношения* (*relativum praedicamentum, ad aliquid, relatio*), так что если главным принципом *единства* Троицы у Августина является Их *единая сущность* (*una essentia, una substantia*), то принципом *различия* являются Их *взаимные отношения* (*relationes*), понимаемые не как временные и случайные признаки, наподобие акциденций, но как необходимые, вечные и неизменные. Именно эти взаимные отношения особым образом характеризуют то, чем каждое из Лиц Троицы отличается от остальных, будучи тождественным с ними во всем, что касается сущности и ее атрибутов. Доказывается, что у Августина отношения между Лицами Троицы не могут рассматриваться наподобие отношений между независимыми индивидами или личностями, но суть ни что иное, как *внутренние отношения одной и той же единичной Божественной сущности* (*una eademque substantia*) к самой себе. Эти отношения суть различные *внутренние процессы, функции или акты*, посредством которых единый Бог как помнящий, мыслящий и волящий абсолютный Субъект соотносится с Самим Собой, конституируя Свою собственную внутреннюю жизнь, подобно тому, как человеческий ум соотносится с самим собой и конституирует свою внутреннюю жизнь с помощью *актов* внутренней памяти, мышления и любви к самому себе. Рассматривается трансформация неоплатонических принципов «импликации и превалирования» у Августина частью в учение о «Божественной простоте», частью в учение, впоследствии названное теорией «апроприации» (*appropriatio*), согласно которой некоторые общие атрибуты Божественной сущности могут усваиваться тому или иному Лицу в *особом смысле* (*proprie*) как его личное свойство, характеризующее Его особое положение и роль во внутренней жизни Бога.

В § 2.5. **Учение о Святом Духе. *Filioque* и его философское обоснование** рассматривается учение Августина о Св. Духе, представляющееся одним из самых оригинальных пунктов его тринитарной доктрины. Анализируется представление о Духе как «Духе и Отца и Сына» (*simul et Patris et Filii Spiritus, Spiritus amborum*), Их общем «Даре» (*Donum amborum*), Их взаимной общности (*communio, communitas amborum*) и связи (*copulatio, connexio, complexus connexio*). Показывается, что Св. Дух выступает у Августина в качестве единства и связи Отца и Сына преимущественно пото-

му, что Он есть *взаимная Любовь* (*communis caritas, utriusque amor*), которой любят друг друга Отец и Сын и которая соединяет Их воедино. Августин обосновывает это важнейшее положение своей тринитарной доктрины всеми возможными способами, в том числе чисто философскими — с помощью многочисленных «психологических» и «квази-психологических тринитарных моделей», в которых третий элемент (*любовь, воля, устремление, наслаждение, удовлетворение, пользование* и т. п.) всегда выступает в качестве необходимой *посредствующей связи* между первым и вторым элементами, соединяющей их в одно нераздельное целое. При этом, наиболее релевантным именем для этого связующего элемента Августин считает *волю* (*voluntas, velle*), которая в его второй и четвертой «психологических тринитарных моделях» (*esse – posse – velle, memoria – intellectus – voluntas*) соответствует роли Св. Духа в Божественной Троице. Св. Дух как Божественная Воля (*voluntas*) или Любовь (*amor, caritas, dilectio*), связывает Отца и Сына воедино, чем достигается полнота внутренней жизни Бога, заключающейся в вечном процессе самопознания и любви Бога к Самому Себе. Другими словами, по мысли Августина, именно благодаря Св. Духу Бог–Троица (*Trinitas quae Deus est*) приходит в согласие с Самим Собой и обретает вечную полноту Своего абсолютного самосовершенства. С этим представлением о Св. Духе как *субстанциальной связи* Троицы тесно связано учение Августина о *способе Его происхождения* в Троице и отличии этого происхождения от рождения Сына. Показывается, что у Августина Отец и Сын суть одно начало Св. Духа, а потому Дух исходит одновременно *от Них Обоих* (*procedit ab utroque*). Так Августин впервые в истории патристической мысли ясно утверждает и логически обосновывает учение о «двойном исхождении» Святого Духа (*processio Spiritus sancti de utroque*), т. е. о Его исхождении одновременно *от Отца и от Сына* (*a Patre et a Filio*), что впоследствии и стало известно как «учение о *Filioque*». Формулируется тезис, что в основании учения Августина о «двойном исхождении» Св. Духа лежит глубинная религиозно-философская интуиция, заключающаяся в том, что Дух как взаимная Любовь Отца и Сына и Их общая Воля есть *связующее начало* в Троице (*medius conjungens, tertius copulans, connexio, conjunctio, copulatio*). Констатируется, что это лежащее в основе учения Августина о «двойном исхождении» Св. Духа представление о Нем как принципе единства и связи в Троице очень близко к понятию «отношения» (*relatio*), в результате чего Св. Дух рассматривается Августином в качестве вечного *субстанциального отношения* между Отцом и Сыном, которое, так же как и взаимная любовь, в равной мере происходит как от Отца к Сыну, так и от Сына к Отцу, что демонстрируется с помощью одной из тринитарных формул Августина: *единство – равенство – согласие* (*unitas, aequalitas, concordia*) и ее математической интерпретации у средневекового автора Тьерри Шартрского.

В § 2.6 приводится **Сводная таблица тринитарных аналогий, моделей и формул Августина** состоящая из 40 позиций.

В § 2.7. **Выводы** подводятся итоги исследования тринитарной доктрины Аврелия Августина, которая может быть охарактеризована как «тринитаризм абсолютного Субъекта» или «эссенциализм», радикально противоположный греческому «персонализму», что демонстрируется с помощью схемы:

Августин:	Каппадокийцы:
Отец Сын	Отец
∇	↓
Св. Дух	Сын
	↓
	Св. Дух

Выдвигается тезис о том, что благодаря громадному авторитету Августина «латинская тринитарная парадигма» на Западе очень скоро стала доминирующей моделью рефлексии над тринитарным догматом, полностью вытеснив собой элементы «греческой тринитарной парадигмы».

ГЛАВА V. Тринитарная доктрина в поставгустиновский период латинской патристики (430–735 гг.)

§ 1. **Влияние тринитарной доктрины Августина на латинских христианских теологов V – начала VI вв.** посвящен исследованию дальнейшего развития тринитарной доктрины на Западе в 430–530-е гг.

В § 1.1. **Введение. Кводвультдей и Фульгенций как прямые продолжатели учения Августина** демонстрируется влияние тринитарной доктрины Августина на учение его ближайших друзей и последователей из северной Африки — Кводвультдея (ок. 390–454 гг.) и Фульгенция (467–532 гг.). Последний известен в науке как *Augustinus Abbreviatus* («Сокращенный Августин») и автор многочисленных сочинений против ариан. Показывается, что Фульгенций полностью разделяет учение Августина о «Божественной простоте», «релятивной предикации» Лиц Троицы, представление о Св. Духе как принципе единства и связи Троицы и Его «двойном исхождении», а также августиновскую «тринитарную онтологию» и «психологическую теорию» Троицы.

§ 1.2. **Викентий Леринский, Фавст Регийский и Геннадий Марсельский** посвящен анализу тринитарного учения этих малоизвестных галльских теологов V в., наследников восточной аскетической традиции и идейных противников учения Августина о благодати и предопределении, что не мешало им разделять основные положения его тринитарной доктрины. Рассматривается предложенная Фавстом тринитарная схема: *я – ты*

– он и предлагается ее истолкование в духе августиновского учения о Троице как абсолютном мыслящем и любящем Субъекте: Бог Отец («Я», субъект) познает Самого Себя как Сына («Ты», объект) и любит Свое знание Себя (т. е. Сына) с помощью чего-то третьего — Любви («Он», Дух, связь). Это толкование подкрепляется сходным толкованием августиновской триады: *amans – quod amatur – amor*, которое предложил Ришар Сен-Викторский (XII в.). Упоминается принятие Фавстом и Геннадием августиновского учения о «двойном исхождении» Св. Духа как «Духа Отца и Сына» и «связи Троицы» (*vinculum Trinitatis*), которым вместе с тем было знакомо и греческое представление об исхождении Духа от одного Отца.

В § 1.3. **Клавдиан Мамерт, Арнобий Младший, Лев Великий и Кесарий Арльский. Символ *Quicumque*** демонстрируется рецепция августиновской «тринитарной онтологии» и «психологической теории» Троицы у Клавдиана Мамерта и Арнобия Младшего, которые придали им форму нового синтеза. Выдвигается гипотеза о том, что Арнобий мог прочитать труды Августина в свете греческого тринитаризма, в частности, «Большого огласительного слова» св. Григория Нисского. Рассматривается учение о «двойном исхождении» Св. Духа у Арнобия Младшего, Льва Великого, Кесария Арльского и в так наз. «Афанасиевском» Символе (или «Символе *Quicumque*»), составленном в южной Галлии между 430 и 500 гг. и впоследствии приобретшем огромный авторитет как на христианском Западе, так и на Востоке.

§ 2. **Логическое оформление «латинской тринитарной парадигмы»: тринитарная доктрина Боэция.**

В § 2.1. **Христианский аристотелизм Боэция и *Opuscula sacra*** рассматривается философское образование Боэция (ок. 480–525 гг.) и его логико-философские и теологические трактаты. Обсуждаются основные логические методы, играющие определяющую роль в теологических построениях Боэция. Формулируется тезис о христианском аристотелизме Боэция.

§ 2.2. **Деление философии и естественная теология Боэция** посвящен делению философии у Боэция и месту теологии в ней. Рассматриваются основные положения философской, или естественной теологии Боэция, в основе которой лежит аристотелевское учение о 10-и категориях, переосмысленное в свете неоплатонической метафизики и августиновской доктрины «Божественной простоты».

§ 2.3. **Тринитарная доктрина Боэция** посвящен анализу тринитарной доктрины Боэция в его *Opuscula sacra*. Отмечается рецепция Боэцием таких характерных черт учения Августина, как представление о Троице как самой Божественной субстанции (*divina substantia*) и едином Боге (*unus Deus*), учение о «двойном исхождении» Св. Духа и особенно «релятивная предикация» Лиц. Показывается, что Боэций придал последнему положению тринитарной доктрины Августина строгую логическую форму, разли-

чив два типа категорий: (1) категории «сообразно предмету» (*praedicationes secundum rem*: сущность, качество, количество) и (2) категории, указывающие на сопутствующие обстоятельства (*circumstantiae rei, praedicatio exterioribus datur*: остальные семь категорий). Предикация Лиц Троицы осуществляется согласно категориям *второго типа*, точнее, одной из них — категории *отношения* (*relatio, relativum, ad aliquid*), которая не может что-либо прибавить, отнять или изменить в Божественной субстанции самой по себе (*secundum se*), но лишь в ее соотношении, причем не с чем-либо другим (*ad aliud*), но с одним и тем же (*ad idem*). Согласно Боэцию, отношение Лиц Троицы друг к другу (*relatio in Trinitate*) не есть отношение между различными вещами, но подобно отношению одного и того же к одному и тому же (*eius quod est idem ad id quod est idem*). В связи с этим рассматриваются различные аристотелевские типы тождества, среди которых выделяется численное тождество субъекта. Формулируется тезис о том, что у Боэция Троица — это вечное и неизменное отношение Бога как абсолютно простой единичной субстанции к Самому Себе, подобное закону тождества: $A' = A''$ (субъект = объект); причем роль Св. Духа в этом отношении заключается в самом *тождестве* субъекта и объекта. В пользу правильности предложенной интерпретации тринитарного учения Боэция приводятся несколько сходных тринитарных моделей у Августина и Николая Кузанского. Рассматривается и другая интерпретация тринитарного учения Боэция, предложенная Д. Брэдшоу, согласно которой отношения между Лицами Троицы подобны отношениям трех абсолютно равных единичных субстанций, но различных по числу, и показывается ее несостоятельность. Делается вывод о том, что последующее широкое распространение на средневековом Западе логических сочинений, переводов и теологических трактатов Боэция, наряду с трактатом Августина *De Trinitate*, способствовали дальнейшему расхождению между латинской и греческой «тринитарными парадигмами».

§ 3. Закат латинской патристики. Тринитарное учение на Западе во второй половине VI – первой половине VIII вв.

§ 3.1. Кассиодор как христианский писатель посвящен обзору литературной деятельности Кассиодора Сенатора (ок. 485–580 гг.) и его вкладу в сохранение античной интеллектуальной культуры на средневековом Западе.

В **§ 3.2. Тринитарное учение Кассиодора** исследуется тринитарное учение Кассиодора и его зависимость от учения Августина в тринитарных формулах («тройственное Единое и тройное Простое»), «тринитарной онтологии» и «психологической теории» Троицы, в рамках которой он мыслит и неоплатоническую «умопостигаемую триаду» (*существование – жизнь – блаженство, сущность – мышление – жизнь*). Отмечается инверсивный порядок элементов «умопостигаемой триады» у Кассиодора и приводятся параллели со сходным учением Максима Исповедника и Иоанна

Скота Эриугены. Выдвигается гипотеза о трансформации Кассиодором «психологической модели» Августина (*память – мышление – воля*) в следующем виде: *память – созерцание – способность суждения* (*memoria, contemplatio, judicialis virtus*). Констатируется прямая зависимость Кассиодора от Августина в представлении о Св. Духе как взаимной Любви Отца и Сына, а также в учении о Его «двойном исхождении», рассматриваемом в качестве особого свойства (*proprium*) Духа. Приводится сводная таблица элементов тринитарной доктрины Кассиодора и Августина.

В § 3.3. **Тринитарное учение св. Григория Великого** обосновывается зависимость тринитарного учения Римского папы Григория Великого (540–604 гг.) от мысли Августина в тринитарных формулах и представлении о «двойном исхождении» (*processio*) Св. Духа. Отмечается оригинальная интерпретация св. Григорием стоической теории «двойственной речи».

В § 3.4. **Исидор Севильский, Толедские соборы и *Filioque*** рассматривается литературная деятельность и тринитарная доктрина испанского ученого-энциклопедиста и теолога Исидора, епископа Севильского (ок. 560–636 гг.). Выдвигается тезис о том, что основным и фактически единственным источником его тринитарной доктрины были труды Августина. В связи с этим отмечаются такие характерные черты учения Августина, как принцип «абсолютной простоты» (*summa simplicitas*), «релятивная предикация» Лиц и «психологическая теория» Троицы. При этом Исидор лишь суммирует учение Августина, не привнося в него чего-либо нового, за исключением некоторых новых терминов (*propria et essentialia nomina, appellativa nomina* и др.). Зависимость Исидора от Августина очевидна и в учении о Св. Духе как принципе единства и связи в Троице, а также о Его «двойном исхождении». Обращается внимание на то, что учение о «двойном исхождении» Св. Духа еще при жизни Исидора и при его непосредственном участии было внесено в деяния двух Толедских церковных соборов — III (589 г.) и IV (633 г.), благодаря чему одно из положений тринитарной доктрины Августина впервые стало рассматриваться как необходимый догмат христианской веры, впоследствии неоднократно повторенный на Толедских соборах VII века и вошедший в литургическую практику испанской Церкви.

В § 3.5. **Беда Достопочтенный и конец латинской патристики** общее исследование формирования тринитарной доктрины в латинской патристике завершается анализом тринитарного учения ее последнего представителя — Беды Достопочтенного (672/673–735 гг.), оставившего после себя огромное учено-литературное наследие. Отмечаются такие характерные черты учения Августина, как представление о Троице как едином Боге (*ipsa una et individua Trinitas solus et unus Deus*) и «психологическая тринитарная модель»: *память – мышление – воля*. Вместе с тем констатируется, что у Беды практически не встречается учение о «двойном исхождении»

Св. Духа, что гипотетически можно связать с влиянием на него древнеирландской христианской традиции.

В § 3.6. **Выводы** подводятся итоги изучения развития тринитарной доктрины на латинском Западе в V–VIII вв., происходившего при доминирующем влиянии тринитарной мысли Августина.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** подводятся общие итоги исследования формирования тринитарной доктрины в латинской патристике II–VIII вв. и той определяющей роли, которую в этом процессе сыграла античная логика, онтология, эпистемология и психология. Отмечаются три этапа формирования латинского тринитаризма, его основные тенденции и ключевые фигуры, а также показывается их зависимость от той или иной философской традиции. Выдвигается тезис о том, что вместе с широким распространением на латинском Западе тринитарной доктрины Августина, особенно в той логической форме, которую ей придал Боэций, лежащая в ее основе «латинская тринитарная парадигма», предполагающая абсолютную простоту Бога и превосходство в Нем единства над троичностью, сущности — над Лицами, которые рассматриваются здесь в качестве функций или отношений внутри самой Божественной сущности, получила статус нормативной и полностью вытеснила собой элементы «греческой тринитарной парадигмы», такие как «монархия» Отца, превосходство Ипостасей над сущностью, «социальная теория» Троицы, исхождение Св. Духа от Отца и др. Едва возникнув, латинский «персонализм», обусловленный влиянием со стороны греческой христианской теологии и аристотелевской логики, уступил место латинскому «эссенциализму» как оригинальному конструкту западно-христианских мыслителей IV–VI вв., возникновение которого было обусловлено влиянием на них со стороны неоплатонической философии и аристотелевской логики. Именно это обстоятельство, в свою очередь, обусловило то, что западная тринитарная доктрина в целом отличается сугубо рационалистическим характером. Учения таких латинских христианских мыслителей, как Тертуллиан, Лактанций, Марий Викторин, Августин, Клавдиан Мамерт, Боэций, Кассиодор, в не меньшей, а гораздо большей степени, чем учения современных им греческих отцов Церкви, испытали на себе влияние античной философской мысли, что обусловило появление впоследствии таких характерных черт западной философской традиции, как рационализм, автономия разума, субъективизм, психологизм. Отмечается, что западное учение о *Filioque*, не принятое на христианском Востоке и ставшее одним из важных доктринальных факторов, приведших к расколу между Католической и Православной Церквями в XI веке, также имеет чисто рационалистический характер. Констатируется, что, за исключением *Filioque*, основные характерные особенности «латинской тринитарной парадигмы», такие как принцип «Божественной простоты», «психологическая теория» Троицы, «релятивная предикация» Лиц, метод «аппроприации» и др., долгое время оставались незамеченными со стороны восточно-

христианской религиозно-философской мысли. Лишь в конце XIX – в XX вв. были обнаружены существенные различия между восточно-христианской и западно-христианской тринитарной традицией, происходящие из самих истоков этой традиции — *латинской патристики* II–VIII вв.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Латинская патрология. Том I. Период первый. Доникийская латинская патрология (150–325 гг.). Греко-латинский Кабинет. М.: Наука, 2005. 368 с.
2. Христианский платонизм Мария Викторина. Институт философии РАН, Центр библейско-патрологических исследований. М.: Империя Пресс, 2007. 255 с.
3. Иероним Стридонский: библеист, экзегет, теолог. Институт философии РАН, Центр библейско-патрологических исследований. М., 2010. 224 с.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня, утвержденного ВАК

1. Доказательства бытия Божия в античной философии и христианском богословии // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Богословие. Философия. I:15. М., 2006. С. 30–51.
2. Античная метафизика и христианская теология в трактатах Мария Викторина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, 22 (2008). С. 34–53.
3. Бозций о человеческой свободе // Философия и культура, 3 (2008). С. 44–47.
4. Проблема соотношения души и духа в греческой и латинской патристике // Человек, 3 (2009). С. 82–92.
5. Характерные черты религиозного знания в православной традиции // Философия и культура, 18 (2009). С. 94–99.
6. Элементы апофатической теологии в трудах Мария Викторина // Историко-философский Ежегодник, 2010. М.: Институт философии РАН, 2010. С. 53–68.
7. Бозций и его трактат «О кафолической вере» // История философии. № 15. М.: Институт философии РАН, 2010. С. 5–14.

8. Различные патристические подходы к вопросу о происхождении человеческой души // *Философия и культура*, 9/33 (2010). С. 41–50.
9. Решение тринитарной проблемы в западной патристике: Марий Викторин, Августин, Боэций // *Философия и культура*, 42 (2011). С. 99–106.
10. Учение об «умопостигаемой триаде» в неоплатонизме и патристике // *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия I: Богословие. Философия. № 37. М., 2011. С. 7–22; № 38. М., 2011. С. 7–29.*
11. Рецензия на книгу: *Ayres L. Augustine and the Trinity. Cambridge, N.Y., 2010* // *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия I: Богословие. Философия. № 41. М., 2012. С. 143–146.*
12. Элементы учения об обожении в латинской патристике // *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия I: Богословие. Философия. № 44. М., 2012. С. 7–20.*

Статьи в иных изданиях

1. Триадология Мария Викторина // *Альфа и Омега*, 23 (2000). С. 366–383.
2. Августин Блаженный // *Православная Энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 93–119*
3. Лев Великий // *Альфа и Омега*, № 25, 2000. С. 378–388.
4. Учение Оригена о Логосе и логосах // *Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института*, 8 (2001). С. 197–226.
5. Из истории западного богословия: Амвросий Медиоланский // *Альфа и Омега*, 29 (2001). С. 369–380.
6. Амвросий Медиоланский. Богословие // *Православная Энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 119–135.*
7. Фульгенций Руспийский // *Альфа и Омега*, 32 (2002). С. 351–358.
8. Арнобий Старший // *Православная Энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 376–378.*
9. Афанасий Великий. Богословие // *Православная Энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 22–49.*
10. Беда Достопочтенный // *Православная Энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 426–432.*
11. Тринитарное учение Августина в свете православной триадологии IV века // *Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института*, 9 (2002). С. 140–171.
12. Боэций // *Православная Энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 118–126.*

13. Богословие св. Григория Великого // Альфа и Омега, 41 (2004). С. 129–153.
14. Викентий Леринский // Православная Энциклопедия. М., 2004. Т. VIII. С. 416–418.
15. Викторин Марий // Православная Энциклопедия. М., 2004. Т. VIII. С. 447–458.
16. Викторин Петавский // Православная Энциклопедия. М., 2004. Т. VIII. С. 458–461.
17. Преподобный Иоанн Кассиан // Арелатские проповедники V–VI вв. Сборник исследований и переводов. М., 2005. С. 330–361.
18. Проспер Аквитанский // Арелатские проповедники V–VI вв. Сборник исследований и переводов. Империиум пресс. М., 2005. С. 362–382.
19. Представление о воле в раннем и средневековом западном богословии // Православная Энциклопедия. М., 2005. Т. IX. С. 297–306.
20. Геннадий Марсельский // Православная Энциклопедия. М., 2005. Т. X. С. 616–620.
21. Григорий Нисский // Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XII. С. 480–522
22. Григорий Великий // Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XII. С. 612–632.
23. Григорий Эльвирский // Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XII. С. 528–531.
24. Дамас I, папа Римский. Сочинения. Богословие // Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XIII. С. 673–676.
25. Естественное и сверхъестественное богословие у св. Григория Нисского // Философия религии: Альманах. Выпуск I. Наука. М., 2007. С. 264–281.
26. Естественная теология в латинской патристике // Философия религии: Альманах. Выпуск I. Наука. М., 2007. С. 282–301.
27. Дионисий Малый // Православная Энциклопедия. М., 2007. Т. XV. С. 349–351.
28. Душа в христианском богословии (II–IX вв.). // Православная Энциклопедия. М., 2007. Т. XVI. С. 448–461.
29. Учение о жизни в патристической литературе // Православная Энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 199–203.
30. Зинон, епископ Веронский // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 165–175.
31. Первые систематические изложения христианской догматики на Западе в V–VII вв.: от Августина до Исидора Севильского // Материалы XIX ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. М., 2009. Т. 1. С. 31–36.

32. Иероним Стридонский // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. XXI. С. 336–370.
33. Иларий Пиктавийский // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. XXII. С. 77–103.
34. Иоанн Кассиан Римлянин // Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. XXIV. С. 319–340.
35. Рациональные методы обоснования Божественной Троичности в западной и восточной патристике // Философия религии: Альманах. Выпуск III. Восточная литература. М., 2011. С. 95–115.
36. Философская теология в латинской патристике: трактат Мариа Викторина «Против Ария» // Философия религии: Альманах. Выпуск III. Восточная литература. М., 2011. С. 276–285.
37. Понятие «ипостась» в латинской патристике // Православная Энциклопедия. Т. XXVI. М., 2011. С. 191–192.
38. Исидор Севильский // Православная Энциклопедия. М., 2011. Т. XXVII. С. 224–238.
39. Тринитарное богословие блаженного Августина: обзор современных исследований и концепций // <http://www.bogoslov.ru/text/2591456.html>.
40. The Relationship between Soul and Spirit in Greek and Latin Patristic Thought // Faith and Philosophy. Journal of the Society of Christian Philosophers. Vol. 26. №. 5. Special Issue. Wilmore, KY, 2009. P. 599–614.
41. Models of the Trinity in Patristic Theology // Philosophical Theology and the Christian Tradition: Russian and Western Perspectives / Ed. D. Bradshaw. Washington, 2012. P. 31–51.
42. Les methods rationnelles dans la théologie trinitaire de la patristique latine // Contacts. Revue française de l'orthodoxie, 241 (2013). P. 44–57.